

Роман, где «Девушка с татуировкой дракона» встречается с «Кланом Сопрано»

misterium

**ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!**

**АЛЕКСАНДР
СОДЕРБЕРГ**

ЕЕ АНДАЛУЗСКИЙ ДРУГ

АВТОР ПРОДОЛЖАЕТ ДЕЛО СТИГА ЛАРССОНА

В ХОЛОДНОМ, БРУТАЛЬНОМ СТИЛЕ...

ENTERTAINMENT WEEKLY

ЭКСМО

Annotation

София, медсестра из Стокгольма, жила обычной размеренной жизнью вдали от мирских сует. Но когда ее пациентом стал Гектор Гусман – нестигаемый, способный бросить вызов судьбе и в то же время искренний, романтичный, – жизнь Софии резко изменилась. Он понравился ей сразу, и между ними завязалось нечто вроде дружбы «открытых сердец». София не знала, что Гектор является одним из руководителей испанской мафиозной структуры, осуществляющей поставки кокаина из Парагвая в Швецию. В это время полиция, сидящая «на хвосте» у Гусмана, начинает использовать Софию как рычаг воздействия на ее андалузского друга. И приятное знакомство оборачивается для женщины настоящим кошмаром, в котором даже случайный прохожий может оказаться смертельным врагом...

Александр Содерберг

Ее андалузский друг

Alexander Söderberg

DEN ANDALUSISKA VANNEN

Copyright © Alexander Soderberg, 2012

Published by agreement with Salomonsson Agency

© Колесова Ю. В., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Ее взгляд метался между зеркалом заднего вида и дорогой. Мотоцикла она не увидела – во всяком случае, в тот момент. Он только что промелькнул в поле зрения, почти встав на дыбы, и снова исчез из виду. Она держалась в крайнем ряду скоростной трассы, стараясь укрыться за другими машинами.

Мужчина, сидевший на пассажирском сиденье, все время оглядывался назад, пытаясь направлять ее. Она не слышала слов – только панику в его голосе.

Очертания мотоцикла снова возникли в дрожащем зеркале, исчезли, появились снова – он зигзагами пробирался за машинами позади них. Она резко выехала в крайний левый ряд, надавив всем своим весом на педаль газа. Автомобиль завибрировал от мощных оборотов мотора – преодолевая тошноту, она включила последнюю, пятую передачу.

У ног свистел ветер – должно быть, пули попали в корпус машины. Потоки воздуха завывали в отверстиях, сливаясь с гудением мотора – жуткий звук, буквально впивавшийся в тело. Она не помнила, как долго ехала, прежде чем раздались выстрелы – неожиданные, невероятные. Она заметила, что у водителя мотоцикла на голове синий шлем с темным щитком, а у стрелка, сидящего у него за спиной, – черный, без щитка. На долю секунды их взгляды встретились – она успела заметить пустоту в его глазах.

Их обстреляли слева, звуки выстрелов вдруг возникли из ниоткуда, пули загрохотали по металлу. Внутри машины что-то зазвенело, словно кто-то ударил цепью по железному листу. В следующую секунду она услышала крик, но даже не поняла, кто кричал – она сама или ее спутник. Она бросила на него быстрый взгляд. Он мгновенно изменился – на его лице отразились страх и нервозность, сменяющиеся гневом. Застывший взгляд, морщинка на лбу, подергивания в уголке глаза. Он снова набрал короткий номер на своем телефоне. Во второй раз с того момента, как их обстреляли, ждал, прижав трубку к уху, устремив вперед невидящий взгляд, но, не дождавшись ответа, нажал на кнопку отключения.

И снова мотоцикл на полной скорости стал приближаться к ним. Ее спутник крикнул, чтобы она ехала быстрее. Однако она понимала, что скорость их не спасет, и уж тем более его крики. Во рту она ощущала металлический привкус, в голове гудело. Паника перешла все пределы, руки уже не дрожали, просто налились свинцом, словно вести машину было физически тяжело. А мотоцикл снова поравнялся с ними, как непобедимый враг. Бросив быстрый взгляд влево, она увидела короткий ствол пистолета, наведенного прямо на нее, и инстинктивно пригнулась. Пистолет изрыгал из себя пули, жесткие удары отдавались во всем корпусе машины, боковое окно разбилось, обдав ее дождем осколков. Она лежала на дне машины, низко опустив голову, продолжая давить ногой на газ. Автомобиль несся вперед сам по себе – она понятия не имела, что происходит перед ними на дороге. Успела заметить, как ее спутник открыл бардачок, в котором оказалось несколько запасных магазинов, увидела у него в руках пистолет. Затем – удар, скрежет железа по металлу. Отвратительный звук с правой стороны, когда машина врезалась в металлическое ограждение трассы. Скрип и завывание, автомобиль накренился, запахло паленым.

Она выпрямилась, вырулила, выровняла машину и снова оказалась на проезжей части, бросила взгляд через плечо – мотоцикл держался чуть наискосок позади них. Ее спутник громко выругался, перегнулся через нее и трижды выстрелил через ее окно. Выстрелы оглушительно прогрохотали в машине, мотоцикл притормозил и исчез из виду.

– Сколько нам еще ехать? – спросила она.

Он посмотрел на нее, словно не понимая вопроса, затем, наверное, услышал его, как эхо, отдававшееся в голове.

– Не знаю...

Она вжала педаль в пол, стрелка спидометра задрожала, машину занесло на большой скорости. Снова быстрый взгляд в зеркало заднего вида.

– Он опять здесь, – проговорила она.

Мужчина попытался открыть окно на своей стороне, однако при столкновении с ограждением дверь сильно пострадала и стекло заклинило. Опершись об нее, он поднял правую ногу и мощным ударом разбил стекло. Осколки посыпались наружу. Рукояткой пистолета он выбил оставшееся, высунулся из окна и выстрелил в преследователя, который успел снова отдалиться от них. Она поняла всю безнадежность их ситуации. Тон задавал мотоцикл.

Стало тихо, словно кто-то выключил звук. Они неслись вперед по шоссе, глядя прямо перед собой, стараясь свыкнуться с мыслью о неизбежной, подступающей к ним вплотную смерти, – бледные, не способные понять происходящее. У него был печальный вид, голова упала на грудь, в глазах застыло выражение горькой обреченности.

– Скажи хоть что-нибудь! – громко потребовала она, по-прежнему крепко держа руль и не отрывая глаз от дороги.

Поначалу он не ответил, погружившись в свои мысли. Потом повернулся к ней:

– Прости меня, София!

Часть первая

Стокгольм, шестью неделями раньше, май

Ей часто говорили, что по виду и манере держаться она не похожа на медсестру. София так и не поняла до конца, комплимент это или оскорбление. У нее были длинные темные волосы и зеленые глаза, в которых притаился смех. На самом деле она далеко не всегда собиралась смеяться – это было лишь внешнее впечатление. Она как будто родилась с этой лукавой искоркой в глазах.

Лестница скрипела у нее под ногами. Этот дом – небольшая желтая вилла постройки 1911 года с мелкой расстекловкой окон, блестящими старинными паркетными полами и малюсеньким садом – был ее местом на земле, об этом она догадалась с первого взгляда.

Окно кухни открыто, за ним царит тихий весенний вечер. Запахи, доносившиеся из сада, наводили на мысль скорее о лете, чем о весне. На самом деле до лета оставалось еще несколько недель, но жара настала преждевременно и не пожелала уходить. Хозяйка дома была благодарна теплу и наслаждалась им – ей нравилось держать двери и окна нараспашку, свободно перемещаться из дома в сад и обратно.

Вдалеке слышался гул мопеда, на дереве пел дрозд и какие-то другие птицы, названий которых она не знала.

София достала посуду и накрыла стол на двоих, поставив самые красивые тарелки, самые изящные бокалы и положив самые дорогие приборы, изо всех сил стараясь избежать обыденности. Она понимала, что ужинать ей придется в одиночестве, – Альберт ел, когда испытывал голод, а это редко совпадало с ее расписанием. Вот на лестнице раздались его шаги – быстрое постукивание кроссовок по ступенькам, чуть тяжеловатое, чуть грубоватое. Альберта менее всего беспокоил шум, который он производил. София улыбнулась ему, когда он вошел в кухню, он ответил лукавой мальчишеской улыбкой, распахнул дверь холодильника, замер, изучая содержимое.

– Закрой холодильник, Альберт!

Он продолжал стоять неподвижно. София поднесла вилку ко рту, рассеянно перелистывая газету. Потом подняла глаза, еще раз повторила ту же фразу, на этот раз – с ноткой раздражения в голосе.

– Я не могу пошевелиться... – проговорил он театральным шепотом.

Она рассмеялась – не столько его неуклюжей шутке, сколько самой манере. Когда он начинал что-то разыгрывать, она радовалась – и даже гордилась им.

– Ну, чем ты сегодня занимался? – спросила она.

Она видела, что он вот-вот рассмеется. Это было в его духе, ему самому всегда очень нравились его собственные шутки. Альберт достал из холодильника бутылку минеральной воды, захлопнул дверцу и уселся на столешницу рядом с мойкой. В бутылке забурлило, когда он отвернул пробку.

– Все просто спятили, – сказал он и отпил глоток.

Альберт начал рассказывать о своем дне – отрывочно, отдельными фрагментами, всплывающими в его памяти в произвольном порядке. Она с улыбкой слушала, как забавно он высказывается об учителях и товарищах. Альберт явно наслаждался тем, что ей нравится его слушать, – но рассказ внезапно закончился. София так и не научилась предчувствовать, когда это произойдет, – просто он умолкал, словно устав от себя и собственного остроумия. Ей хотелось протянуть к нему руки, попросить его остаться, продолжать веселить ее своими

милыми и одновременно ироничными рассказами. Однако это не срабатывало. Раньше она уже пробовала удержать его, но ничего хорошего не выходило, так что она позволила ему уйти.

Он исчез в холле. Тишина. Наверное, он переобувался.

– Ты должна мне тысчонку.

– За что?

– Сегодня приходила тетка-уборщица.

– Так не говорят.

Она услышала, как зажужжала молния у него на куртке.

– А как тогда говорят?

Она не могла сообразить. Он уже стоял в дверях.

– Пока, мамочка! – Голос его неожиданно зазвучал нежно.

Дверь захлопнулась, София услышала шаги сына по дорожке под распахнутым окном.

– Позвони, если задержишься! – крикнула она ему вслед.

Вечер София провела как обычно – убрала со стола, навела порядок в кухне, посмотрела телевизор, позвонила подруге, чтобы поболтать ни о чем. Потом пошла и легла, попыталась читать книгу, лежавшую у нее на ночном столике: о женщине, которая обрела новый смысл жизни, начав помогать бездомным детям в Бухаресте. Книга оказалась скучной, а женщина – претенциозной. У Софии нет с ней ничего общего. Закрыв книгу, она заснула – как всегда, одна в своей постели.

Спустя восемь часов прозвонил будильник, заведенный на четверть седьмого. София поднялась, собралась, протерла зеркало в ванной, которое при запотевании оказывалось исписанным разными словами: Альберт, «АИК»^[1] и чем-то еще неразборчивым, что сын писал пальцем на зеркале, пока чистил зубы. Сколько раз она просила его так не делать! Он не обращал внимания, и где-то в глубине души ее это почему-то радовало.

Одевшись, она наскоро перекусила, читая первую страницу утренней газеты. Скоро пора отправляться на работу. Раза три ей пришлось крикнуть Альберту, что пора вставать, и четверть часа спустя она села на велосипед, чтобы свежий утренний ветерок помог ей окончательно проснуться.

Он проходил под кличкой Джинс. Они всерьез поверили, что его так зовут. Смеялись, показывали на свои брюки. Джинс!

На самом же деле его звали Йенс, и сейчас он сидел в сарае среди джунглей Парагвая с тремя русскими. Главного у них звали Дмитрием. Это был высокий долговязый парень лет тридцати с лицом ребенка – ребенка, родители которого доводились друг другу родней. Его дружки, Гоша и Виталий, того же возраста – их родители, похоже, состояли в еще более тесном родстве. Парни постоянно смеялись, глаза у них широко расставлены, рты полуоткрыты – судя по всему, они не очень понимали, что происходит.

Дмитрий смешал в пластмассовой канистре сухой мартини, добавил оливки, потряс, разлил по небрежно ополоснутым кофейным чашкам, пролив немного на стол, а затем поднял тост, произнеся что-то по-русски. Его дружки заготовали, все выпили напиток, имевший привкус дизельного топлива.

Йенсу все они активно не нравились. Жуликоватые, неопрятные, нервные... Он старался не показывать своего отвращения, но это плохо получалось – скрывать свои чувства ему

всегда было трудно.

– Давайте посмотрим на товар, – предложил он.

Русские возбудились, как дети при виде Деда Мороза. Йенс вышел из сарая к джипу, припаркованному на грязном, слабо освещенном дворе.

Он понятия не имел, зачем эти русские притащились в Парагвай, чтобы посмотреть на товар. Обычно покупатель заказывал у него что-то, а он поставлял и получал деньги, никогда не встречаясь с заказчиком. Но здесь было что-то другое – словно вся сделка, сама покупка оружия казалась им увлекательным приключением. Какими делишками занимались эти парни, он не знал и знать не хотел. Его это не волновало. Они приехали, чтобы посмотреть на товар, пострелять на пробу, надышаться кокаина, потрахаться с проститутками и внести ему второй платеж из трех.

Он привез с собой один «MP7»^[2] и один автомат «Steyr AUG»^[3]. Остальное оружие лежало на складе в Сьюдад-дель-Эсте – упакованное, готовое к отправке.

Русские похватили оружие и стали шутливо целиться друг в друга, выкрикивая: «Hands up! Hands up!» Они хохотали, кричали, движения их были отрывисты. У Дмитрия в щетине застряли крошки кокаина.

Гоша и Виталий подрались из-за «MP7», дергая его каждый на себя и молотя друг друга кулаками по голове. Дмитрий разнял их и снова достал канистру с сухим мартини.

Йенс наблюдал за ними, стоя чуть поодаль, понимая, что дело скоро пойдет слишком далеко. В ближайшее время вернутся парагвайцы, поехавшие за проститутками, чтобы продемонстрировать свое гостеприимство. Русские еще больше нанюхаются, напьются и начнут палить из всего подряд. Йенс заранее знал, что произойдет, но ничего не мог сделать, – ситуация неуправляема. Более всего ему хотелось уехать прочь, однако он вынужден находиться тут до рассвета, без сна, оставаясь трезвым, чтобы получить деньги, когда Дмитрий соизволит с ним расплатиться.

– Джинс, где у тебя эти гребаные патроны?

Он молча указал на джип. Русские распахнули дверцы и принялись шарить внутри. Йенс засунул руку в карман, где еще оставалась одна никотиновая жвачка. Жевать табак он бросил двумя месяцами ранее, а курить – три года назад. Однако сейчас он находился в джунглях в четырех милях от Сьюдад-дель-Эсте, и никотиновые рецепторы в мозгу настойчиво напоминали о своем существовании. Засунув в рот последнюю пластинку, он стал яростно жевать, с отвращением наблюдая за русскими и понимая, что скоро снова начнет курить.

Приходя в больницу, София полностью отдавалась работе. Времени на что-то другое практически не оставалось, к тому же ей не нравилось пить кофе с коллегами – в такой обстановке она чувствовала себя скованно. Не то чтобы она стеснялась – наверное, в ней есть какой-то дефект, она просто не умеет говорить пустые фразы за чашкой кофе. В больнице София работала ради пациентов, а не из набожности или желания помогать другим. Она умела говорить с ними, находить общий язык. Они попадали туда из-за болезни, поэтому по большей части были самими собой, – открытые, человечные, искренние. С ними она чувствовала себя в своей стихии. Именно это и привлекало ее в работе. Пациенты не говорили о пустяках – лишь тогда, когда поправлялись, и тут она покидала их, а они – ее. Вероятно, именно поэтому София с самого начала выбрала эту профессию.

Значит, она живет за счет чужого горя? Возможно, и так, однако она не чувствовала себя паразитом. Это скорее зависимость. Она зависима от откровенности других, открытости, от

возможности различить иногда проблески той истиной сущности человека, которая так нечасто проглядывает из-под внешней мишуры. Те пациенты, в суть которых ей удавалось заглянуть, становились ее любимцами. Любимцы практически всегда оказывались людьми степенными – она сама применяла к ним это слово. И когда они появлялись, она словно застывала на мгновение, пытаясь понять и осмыслить их, удивлялась и чувствовала, как ее переполняет смутная надежда. Несгибаемые люди, способные улыбнуться судьбе, наделенные некоей степенностью, – она всегда сразу же узнавала их с первого взгляда, хотя не смогла бы объяснить, как и почему. Редкие люди, у которых душа похожа на цветущий сад, – люди, предпочитающие лучшее хорошему, не боящиеся взглянуть в лицо самим себе и увидеть все свои стороны, даже темные и скрытые.

Взяв поднос, София направилась к Гектору Гусману в одиннадцатую палату. Мужчину привезли тремя днями ранее после того, как его сбила машина на пешеходном переходе в центре города. У него был перелом правой ноги ниже колена. Кроме того, врачи заметили травму селезенки и оставили его в больнице для наблюдения. На вид Гектору можно дать лет сорок пять – красивый, но не слащавый, большой, но не грузный. Он был испанец, но в его облике Софии чудились скандинавские черты. Темные волосы кое-где казались почти русыми. Нос, скулы и подбородок четко очерчены, а кожа имеет золотистый оттенок. Он свободно говорил по-шведски и, вне всяких сомнений, относился к «степенным» – может быть, из-за внимательных глаз, придававших особую красоту его лицу, или из-за той легкости, с которой он держался, несмотря на высокий рост. А может быть, из-за того неподдельного безразличия, с которым он улыбался ей каждый раз, когда она входила в палату, – словно понимая, что она все понимает, отчего ей тоже хотелось улыбнуться ему.

Гектор сидел, откинувшись на спинку кровати, с книгой в руках и очками на носу, делая вид, что погружен в чтение. Когда медсестра заходила в палату, он всегда притворялся, что очень занят и не замечает ее.

София распределила таблетки, разложила в маленькие пластмассовые стаканчики и протянула ему один из них. Он взял его, не отрывая глаз от книги, положил таблетки в рот, взял у нее из рук стакан и запил водой, по-прежнему сосредоточенно глядя в книгу. Она дала ему второе лекарство, с ним он поступил так же.

– Всегда исключительно вкусно, – негромко проговорил Гектор и поднял на нее глаза. – Сегодня на тебе новые серьги, София.

Женщина невольно поднесла руку к уху.

– Может быть, – ответила она.

– Нет-нет, не может быть, а точно, у тебя новые серьги, и они тебе очень к лицу.

Она подошла к двери и открыла ее.

– Можно мне стаканчик соку? Если можно...

– Можно, – ответила София.

В дверях она встретила человека, который представился ей ранее как кузен Гусмана. На самом деле он был совершенно не похож на Гектора – стройный, но мускулистый, высокий, черноволосый, с холодными голубыми глазами, которые, казалось, регистрировали каждую мелочь, каждую деталь. Кузен коротко кивнул ей и сказал что-то Гектору по-испански. Тот ответил, и оба засмеялись. Софии показалось, что шутка имеет отношение к ней, и она забыла про сок.

Гунилла Страндберг сидела в коридоре с букетом цветов в руках и видела, как медсестра

вышла из палаты Гектора Гусмана. Гунилла внимательно рассмотрела ее. Не радость ли она заметила в ней? Ту особенную радость, которую человек излучает, сам того не подозревая. Женщина прошла мимо посетительницы. На кармане был прикреплен бейдж, Гунилла успела прочесть имя – София. Она проводила женщину взглядом. У той было красивое лицо – благородное, тонкое, светившееся здоровьем. Медсестра двигалась легко, словно едва касаясь ногами земли. В ее походке было нечто элегантно. Гунилла проводила ее взглядом, пока та не скрылась в другой палате.

Гунилла задумалась. Ее мысли строились на знании человеческих эмоций. Она снова посмотрела в ту сторону, куда ушла София, потом на одиннадцатую палату, где лежал Гектор Гусман. Что-то их связывало. Скрытая энергия, поток чего-то, незаметного глазу. Выходя из палаты, медсестра унесла с собой частичку чего-то необъяснимого.

Гунилла поднялась, прошла по коридору, заглянула в комнату для персонала. Там было пусто. На стене висела схема дежурств на неделю. Быстро оглянувшись, Гунилла зашла в комнату, подошла к схеме и стала водить по ней пальцем.

«Хелена...

Рогер...

Анна...

Карро...

Нике...

София... София Бринкман», – прочла она.

Засунув букет в пустую вазу, стоящую на каталке возле комнаты для персонала, Гунилла покинула отделение. В лифте она достала мобильный телефон, позвонила в офис и попросила узнать адрес Софии Бринкман.

Вместо того чтобы вернуться в контору на Брахегатан в центре Стокгольма, она пересекла трассу, ведущую от Дандерюдской больницы в город, и свернула в сторону коттеджного поселка Стоксунд. Поначалу она заблудилась в лабиринте мелких улочек, которые никак не желали вести ее к цели, покружила, то поднимаясь вверх, то съезжая вниз. Но в конце концов все же разыскала нужную улочку и нужный дом и остановилась перед небольшой желтой виллой с белыми углами.

Сидя в машине, женщина огляделась. Это был тихий уютный район. Березы начали распускаться. Она вышла, и в ноздри ударил запах сирени. Она прошла по улице, посмотрела на соседские виллы и снова оглядела домик Софии. Он был красивый, намного меньше соседских – у Гуниллы даже возникло впечатление, что там меньше порядка. Она оглянулась, сравнила еще раз. Нет, у Софии Бринкман все совершенно нормально. Скорее у соседей все чересчур – нелепый перфекционизм, унылый и бездушный порядок. Снова перевела взгляд на дом Софии – здесь все более живое. Нельзя сказать, что фасад только что покрашен, трава только что подстрижена, дорожки только что подсыпаны и окна свежевываны...

Гунилла решила войти в калитку и осторожно сделала несколько шагов по дорожке. Заглянула в окно кухни, которое выходило в сад. То, что она могла увидеть, свидетельствовало о вкусе хозяйки. Гармоничное сочетание нового и стиля «под старину» – оригинальный латунный кран, современная плита, столешница из старинного дуба. Люстра под потолком – такая красивая и необычная, что Гунилла ощутила укол зависти. Она стала рассматривать дальше, и взгляд ее упал на букет цветов в большой вазе на окне холла. Гунилла отступила назад, подняла глаза, чтобы осмотреть фасад. Заметила в окне второго

этажа еще один симпатичный букет.

В машине по пути обратно в город ее мозг интенсивно перерабатывал полученную информацию.

Лежек Смиалы чувствовал себя как собака – собака, оставшаяся без хозяина. Разлучаясь со своим господином, он всегда испытывал тревогу. Но Адальберто Гусман велел ему ехать, объяснив, что он должен делать. Лежек сел в самолет и несколько часов спустя приземлился в Мюнхене.

В последние десять лет он не покидал своего господина – за исключением недельного отпуска раз в три месяца. Его жизнь была разбита на трехмесячные вахты – работа, а потом краткий отпуск. В отпуске он заселялся в какой-нибудь отель, запирался в номере и напивался до бесчувствия. Когда не спал, то смотрел телевизор. Никаких других занятий он не знал, ждал лишь, когда эта неделя закончится, чтобы снова заняться делом. Лежек не понимал, почему Гусман заставляет его брать этот бессмысленный отпуск.

Сейчас он только что вернулся после такой недели. В первые дни чувствовал себя рассеянным, руки дрожали от похмелья, однако он тут же взялся за себя, начал тренироваться и правильно питаться, чтобы восстановить форму.

Лежек сидел за рулем краденого «Форда Фокус» в коттеджном поселке Грюневальд в окрестностях Мюнхена. Огромные виллы, разросшиеся сады, окруженные заборами, – никакого движения.

Гусман дал Лежеку фотографии Кристиана Ханке, ухоженного парня лет двадцати пяти с темными, коротко подстриженными волосами. На увеличенных черно-белых снимках присутствовал и его отец, Ральф Ханке. Лежек еще раз взглянул на фото: улыбки преуспевающих людей, сшитые на заказ костюмы, тщательно уложенные волосы.

Накануне он следил за молодым человеком в бинокль, не позволявший его толком разглядеть. Выяснил о нем лишь то, что тот приехал домой около восьми и оставил свой «БМВ» на улице перед виллой, что с ним была женщина и что в его спальне до двух часов ночи горел свет. А также что на следующее утро в половине восьмого он вышел из дому, прошел к чугунной калитке в каменной стене, пересек улицу, сел в машину и уехал в Мюнхен. Вот из этого Лежеку и предстояло исходить – то была вся информация, собранная им за двадцать четыре часа слежки.

Радио в машине играло беззаботные саксонские шлягеры. Какой-то парень распевал, кажется, с улыбкой до ушей, на заднем плане звучала электрогитара, мелодия была банальна и предсказуема. Лежек различил отдельные слова – «склон горы», «семейные связи» и «эдельвейс». Есть в этом народе какое-то безумие, просто он не мог сформулировать, в чем оно выражается.

Лежек сидел, сложив руки на коленях, спокойно дыша. Стояло ясное утро, в воздухе висела дымка. Лучи солнца проникали сквозь кроны деревьев, окрашивая все вокруг в золотистый цвет. Ему казалось, что здесь так красиво, до боли красиво.

Лежек посмотрел на свои руки – они были в грязи. Установить бомбу оказалось непросто. Он делал это и раньше, когда-то давно, когда работал в разведке. Тогда это было проще и не требовало таких затрат времени, как сейчас, когда блок двигателя обычно заключен в прочную оболочку. Лежек потянулся, на минуту закрыл глаза.

Открыв их, он заметил контуры человека, идущего за деревьями от виллы Кристиана в сторону улицы. Лежек попытался рассмотреть, кто это. Взяв бинокль от Сваровски, лежавший рядом на пассажирском сиденье, он поднес его к глазам. Фигура за деревьями

оказалась молодой женщиной. Лежек бросил взгляд на наручные часы – без четверти восемь. Женщина открыла чугунную решетку калитки и вышла на улицу. Лежек нащупал пальцем кнопку наведения фокуса. Женщина была блондинка лет двадцати – двадцати пяти, на ней были большие солнечные очки и дизайнерские «рваные» джинсы, она двинулась к машине уверенной походкой в сапогах на высоких каблуках. Дамская сумочка через плечо. Дорогая дамочка. Лежек поспешно перевел бинокль на виллу. Где же Кристиан, черт побери? Затем снова навел его на женщину, которая перешла улицу и приблизилась к машине. Вместо того чтобы обойти машину и сесть на пассажирское сиденье, она открыла дверцу со стороны водительского сиденья и привычно уселась за руль, положив сумочку рядом с собой. Лежек снова перевел бинокль в сторону виллы – Кристиана Ханке нигде не было видно.

Секунды текли медленно. У Лежека возникло острое желание начать гудеть, открыть дверь и помахать блондинке рукой, привлечь ее внимание, сделав что-то резкое и необычное. Однако он сидел неподвижно, понимая бессмысленность попыток изменить уже заданную ситуацию. В поле зрения бинокля с десятикратным увеличением, под звуки сладкой немецкой мелодии, он увидел, как красивая светловолосая женщина сделала то маленькое движение, которым заводят машину – положив одну руку на руль, наклоняются чуть вперед и поворачивают ключ зажигания правой рукой.

В ту долю секунды, за которую импульс проходит от батареи к стартеру, электрический кабель уловил его и поджег взрывной патрон, который, в свою очередь, поджег комок взрывчатого вещества, прикрепленного к днищу машины.

Взрывная волна подбросила женщину вверх, сломав ей шею о потолок машины, в то время как вся машина приподнялась на полметра от земли. В ту же секунду запылал контейнер с напалмом, который он поместил в машине, и искореженный автомобиль превратился в пылающий ад.

Лежек смотрел в бинокль, как тело женщины загорелось, как она беззвучно сгорала внутри машины. Как исчезли ее светлые красивые волосы, ее красивая ровная кожа... Как постепенно вся она исчезла.

Выехав из Грюневальда, Лежек нашел укромное местечко в лесу и поджег краденый автомобиль. Затем вернулся в Мюнхен, позвонил Гусману, оставив короткое сообщение, что операция прошла не по плану, что Гусману следует быть начеку и иметь под боком друзей. После этого он выбросил телефон в люк, побродил по городу, чтобы убедиться в отсутствии слежки.

Почувствовав себя в безопасности, Лежек остановил такси и поехал в аэропорт. Несколько часов спустя он уже летел назад к своему господину.

С первого дня своего появления в больнице Гектор задавал Софии вопросы – о ее жизни, о детстве, о молодых годах. О семье, о том, что ей нравится и что не нравится. Она заметила, что честно отвечает на его вопросы. Ей даже нравилось находиться в центре его внимания, и, несмотря на поток вопросов, его поведение не казалось ей нескромным. Подойдя вплотную к какой-то теме, которую ей не хотелось поднимать, он вдруг умолкал, словно сам ощущал, что здесь проходит граница ее откровенности. Но чем больше они узнавали друг друга, тем корректнее он держался с ней. В вопросах интимной гигиены все брали на себя коллеги-медбратья, так что у Софии не было особых дел в его палате. Она прокрадывалась к нему потихоньку, притворяясь, что у нее есть дела.

Гектор спросил, не устала ли она.

– А почему ты спрашиваешь?

– У тебя усталый вид.

София свернула полотенце:

– Ты знаешь, как сделать женщине комплимент.

Гектор поджал губы.

– Мне кажется, тебя скоро выпишут, – продолжала она.

Он приподнял одну бровь.

– Хотя не мое дело такое говорить, это решает доктор... Однако я все же это сказала.

София открыла окно, впуская в палату свежий воздух, подошла к пациенту, жестом показала, чтобы он приподнялся, достала из-под его головы подушку и положила на ее место другую. Свою работу она выполняла автоматически. Уголком глаза София видела, как он разглядывает ее. Она подошла к его тумбочке, собираясь взять пустой графин для воды, когда Гектор вдруг схватил ее за руку. Ей следовало бы немедленно высвободить руку и уйти, но она стояла неподвижно. Сердце учащенно билось в груди. Они замерли, как смущенные подростки, впервые прикоснувшиеся друг к другу, не решающиеся даже поднять взгляд. Затем она все же высвободила руку и направилась к двери.

– Тебе еще что-нибудь нужно? – спросила София. Голос плохо повиновался, словно она только что проснулась. Гектор окинул ее пристальным взглядом, покачал головой. София вышла из палаты в коридор.

Он не в ее вкусе, хотела она сказать самой себе. Хотя – а кто в ее вкусе? Ей многие нравились за долгие годы, и ни один не был похож на другого. София убеждала себя, что у нее нет к нему физического влечения, ей просто хочется быть с ним рядом. Она не видела в нем ни любовника, ни мужа, ни друга, ни заботливого отца – или, вернее, видела все это одновременно в самой немыслимой комбинации.

Остаток дня женщина проработала в реанимации. Когда она вернулась в отделение, ни Гектора, ни его вещей в одиннадцатой палате не было.

Все и в самом деле пошло вразнос. Ситуация вышла из-под контроля, как Йенс и предполагал. Проведя несколько минут с бедными парагвайскими проститутками, русские стали палить из всех стволов. Они были под кайфом, стреляли из автоматов наобум. Йенсу пришлось залепить Виталию затрещину. Тот извинился, зажав рукой окровавленный нос. Дмитрий и второй хохотали до упаду.

На следующий день они снова встретились в сарае и обговорили все шаги. Дата поставки, логистика, оплата. Казалось, русским наплевать на детали. Дмитрий предложил Йенсу кокаин и спросил, не хочет ли тот пойти с ними на петушинные бои. Йенс отказался и попрощался.

Один из парагвайцев подвез его до Сьюдад-дель-Эсте. Путь занял два часа. Они пробирались по отвратительным местным дорогам. Сиденье оказалось жестким. Водитель был молчалив. Как всегда в этой стране, над ухом орало вездесущее радио. Всегда слишком громко, с плохим приемом и надрывным дискантом, который в данном случае завывал из двух колонок, установленных на тонких дверцах машины. Однако Йенс уже ко всему привык. У него было время все продумать. План был хорош – не идеален, но хорош, как чаще всего и получалось. Он не мог вспомнить ни одного случая, когда все было бы продумано идеально.

Йенсу было около сорока. Высокий, почти метр девяносто, плечистый, с загорелым

обветренным лицом и глухим низким голосом, за которым угадывались раннее половое развитие и масса выкуренных сигарет. Он двигался, чуть ссутулившись, и редко отказывался от чего бы то ни было – во взгляде окруженных первыми морщинами глаз читалось неутолимое любопытство.

Автоматам, которые купили у него русские, предстояла транспортировка в грузовике из Сьюдад-дель-Эсте в портовый город Паранагуа в Бразилии. Затем – путь через Атлантику и выгрузка в Роттердаме. Далее машина должна доставить их в Варшаву, и на этом миссия Йенса заканчивалась.

История с этой сделкой началась двумя месяцами раньше. Позвонил из Москвы Ристо, сообщил, что ему поступил запрос на «MP7» и что-нибудь помощнее.

– Сколько?

– По десять каждого.

– Немного.

– Разумеется, но у этой компании большие планы. Они будут еще не раз обращаться к тебе за помощью. Воспринимай это как первый заказ.

Небольшая работенка, легко собрать нужную партию.

– Хорошо, я узнаю. Свяжусь с тобой чуть позже.

Йенс связался с Посредником. Посредник был законспирирован донельзя – лишь страница в Интернете, посвященная моделям самолетов, где можно было написать на форуме и получить пароль для связи. Это был дорогой, но надежный канал – еще ни разу Йенс не получал отказа, и сбоев поставок не случалось. Посредник организовал закупку у неизвестного Йенсу продавца. Таким образом соблюдалась полная тайна – никто не мог никого заложить. Йенс попросил найти ему по десять штук «MP7» и «Steyr AUG» – довольно современная марка австрийских карабинов. Посредник отозвался, сказал «да» по поводу «Steyr AUG» и «нет» по поводу «MP7» – заявил, что продавец может предложить «MP5». Однако клиенты Ристо четко указали, что хотят именно «MP7». Но, как всегда, все разрешилось почти идеально. Полный набор австрийских, а также восемь «MP7» и две «MP5». Йенс счел, что это вполне нормально.

Ристо сказал, что ему придется поехать в Прагу для встречи с клиентами. Йенс очень удивился:

– Это еще зачем?

– Понятия не имею. Им так хочется, – ответил Ристо.

Вскоре выяснилось, что встреча в Праге совершенно лишена смысла. Похоже, она была назначена лишь для того, чтобы они смогли прощупать его. Дмитрий, Гоша и Виталий вели себя так, словно еще не вышли из подросткового возраста.

В номере у Йенса в отеле на Мала Страна они пили водку. Виталий снял зеркало в ванной и положил на журнальный столик. Выложил несколько толстых «дорожек» при помощи потрепанной карты «Diners club». Затем появились проститутки – несколько девиц из бывших советских республик, все под кайфом. Дмитрий предложил угостить всех ужином. Они отправились в какой-то современный, но совершенно безвкусный ресторан у Вацлавской площади, с интерьером из хромированного железа, кожи и пластика. Проститутки сидели на героине. Одна расшатывала пальцем зуб во рту, вторая тыкала себя пальцем в щеку, третья постоянно чесалась. Дмитрий заказал шампанского и стал соревноваться с Гошей, кто больше съест омаров. Йенс понял, что у него с Дмитрием нет ничего общего. Он тихонько ускользнул и отправился в «Рокси» – ночной клуб в «Длоухе»^[4].

Там он сидел и пил до восхода солнца, глядя на танцующих.

На следующий день Дмитрий со своей компанией снова явился к нему в отель и предложил принять LSD и сходить на футбольный матч между пражской «Спартой» и «Зенитом» из Санкт-Петербурга. Йенс ответил, что, к сожалению, вынужден пропустить это матч – ему надо срочно уехать домой. Русские рассмеялись безрадостным смехом, облизали свои марки прямо у него в номере, забалдели, некоторое время отпускали свои идиотские шуточки, а потом удалились, с воплями прокатившись по коридору, унося огнетушитель, который сняли со стены где-то по дороге.

Йенс сел в самолет и улетел в Стокгольм.

Приехав в свою квартиру, он получил сообщение: «Буэнос-Айрес через два дня». Перепаковав чемодан и плохо проведя ночь, на следующий день он снова отправился в Арланду и вылетел в Буэнос-Айрес через Париж. Приземлился в аэропорту Эзейза, отдохнул несколько часов в номере и пообедал с курьером, оказавшимся самодовольным идиотом. Йенс расплатился с курьером, тот передал ему ключи и сказал, что фургон стоит в гараже отеля. Затем проверил ящики в заднем отделении фургона – оружие лежало как положено, все было четко.

Почувствовав некоторую усталость, Йенс решил передохнуть денек, прежде чем отправиться с очередной партией в Парагвай. Пошел было посмотреть на бокс, но поединок совсем сошел в рельсов, превратившись из честного боя в настоящую бойню. Йенс ушел до того, как судья прервал матч. Вместо этого провел полдня, осматривая достопримечательности, пытаясь почувствовать себя обычным человеком, – и тут же обнаружил, какая это скучища.

Вечером он набрел на хороший ресторан, вкусно поужинал, почитывая газету «Ю-Эс-Эй тудей», прихваченную с собой из отеля.

Поначалу Йенс не отреагировал на свое имя. Но, подняв глаза, узнал Джейн – младшую сестру Софии Лантц. Девушка вдруг возникла у его стола. Она мало изменилась с тех пор, как он видел ее в последний раз, – правда, тогда она была еще ребенком.

– Йенс? Йенс Валь! Что ты тут делаешь?

Улыбка Джейн сменилась радостным смехом. Он поднялся и почувствовал, как ему передалась ее радость, когда они сердечно обнялись.

– Привет, Джейн!

Молчаливого мужчину, стоявшего у нее за спиной, звали Хесус. Он не представился сам – его представила она. Они присели за его столик, и Джейн стала рассказывать еще до того, как приземлилась на стул. Йенс слушал, то и дело смеясь: он довольно быстро догадался, почему ей так подходит ее безмолвный Иисус. Она сказала, что они приехали в Буэнос-Айрес в гости к его родственникам, что детей у них нет и что живут они в трехкомнатной квартире у площади Ярнторгет^[5] в Старом городе.

Йенс стал расспрашивать о Софии и услышал несколько общих фактов о ее жизни – что ее зовут теперь София Бринкман, что она вдова, воспитывает сына и работает медсестрой в больнице. Поняв, что она и так слишком много болтает, Джейн начала расспрашивать о нем. Йенс стал лгать, уверенно и убедительно, что занимается продажей удобрений, много ездит по работе, что семьи у него пока нет, но это, возможно, изменится в ближайшем будущем.

В тот вечер они замечательно поужинали и выпили. Хесус и Джейн отвезли его в такие места в городе, до которых он никогда не добрался бы самостоятельно. Йенс увидел истинное лицо города, и он понравился ему еще больше.

Хесус так и промолчал весь вечер.

– Послушай, он у тебя немой? – спросил Йенс.

– Иногда он разговаривает, – ответила Джейн.

В такси по дороге в отель он вдруг ощутил тоску – тоску по собственному прошлому. В ту ночь он плохо спал.

Машина, трясаясь на ухабах, приближалась к Сьюдад-дель-Эсте. Йенс уже видел очертания города, радовался, что отделался от русских. Оставалось проделать кое-какие приготовления к отправке, затем оружие будет перегружено на грузовики.

В комнате для персонала лежало сообщение для нее. Белый твердый конвертик, на котором черными чернилами было написано ее имя. В ожидании, пока кофеварка сварит кофе, София открыла послание, быстро прочла и спрятала в карман.

Затем она продолжала механически делать дела, надеясь забыть содержание записки, однако оно отпечаталось в мозгу. Без четверти двенадцать она вошла в раздевалку, сняла рабочую одежду, взяла сумочку, накинула летнюю куртку и спустилась в холл.

Кузен уже ждал ее, кивком показав, чтобы она следовала за ним. София повиновалась, но в глубине души чувствовала себя неуверенно, словно внутренний голос подсказывал, что она приняла ошибочное решение. Однако неуверенность смешивалась с радостным возбуждением по поводу того, что она делает нечто спонтанное и непродуманное. Давненько с ней такого не случалось.

Машина была новехонькая – одна из последних моделей японских экомобилей. В ней не было ничего особенного – просто она была новая, в ней пахло новой машиной, и сиденья были на редкость удобные.

– Мы поедем в Васастан^[6], – сказал он.

София поймала его взгляд в зеркале заднего вида. Глаза у него голубые, холодные и настороженные.

– По какой линии вы с ним родственники?

– По всем линиям.

Она усмехнулась:

– Даже так? И что это значит?

– Со всех мыслимых сторон.

Казалось, он тем самым закрыл тему.

– Меня зовут Арон...

– Приятно познакомиться.

Остаток пути в машине царила тишина.

Столы, стулья, вращающаяся дверь в кухню. Освещение было слишком резким, картины на стенах представляли собой пейзажи, а на столах лежали бумажные клетчатые скатерти. Обычное кафе, ничего интересного.

Она улыбнулась, когда Гектор помахал ей рукой из-за дальнего столика, но попыталась скрыть улыбку, пробираясь к нему.

Мужчина поднялся ей навстречу, пододвинул стул:

– Я бы с удовольствием сам приехал за тобой, если бы не нога.

София села напротив:

– Все в порядке. Арон приятный попутчик, хотя и молчаливый...

Гектор улыбнулся.

– Ты пришла, – проговорил он и придвинул ей обернутое в пластик меню. – Мы так и не попрощались, – добавил он.

– Да, как-то не получилось.

Он сменил тон:

– Я прихожу сюда ради морепродуктов, они у них лучшие в городе, но об этом мало кто знает.

– Тогда я тоже их возьму.

София, не прикоснувшись к меню, держала руки на коленях. Гектор едва заметно кивнул человеку за барной стойкой.

Странно было видеть Гектора за пределами больницы. У нее возникло головокружительное чувство, будто ей предстоит обедать с совершенно незнакомым мужчиной. Но он заметил ее неуверенность и начал рассказывать забавные истории – о том, каково ходить по Стокгольму в гипсе, как пришлось разрезать штанину на любимых брюках и как ему не хватает больничной еды и картофельного пюре из порошка. Он умел развеселить, разрядить натянутую обстановку.

София слушала его вполуха. Ей нравилось смотреть на него. Его двухцветные глаза – один темно-синий, другой карий – приковывали взгляд. При ином освещении глаза меняли оттенок, словно он на некоторое время становился другим человеком.

– Пусто без меня в больнице?

Она рассмеялась, покачав головой:

– Да нет, все как обычно.

К ним подошла официантка с двумя бокалами вина:

– Испанское вино. Нельзя сказать, что им стоит гордиться, но пить вполне можно.

Гектор как бы в шутку поднял тост. София не притронулась к вину, взяла бокал с водой и отпила глоток, потом посмотрела на своего собеседника, ожидая встретить его взгляд, как это принято у шведов, когда люди за что-то пьют. Однако он не обратил на это внимания и уже отвел глаза. Она почувствовала себя нелепо.

Гектор откинулся на стуле, оглядел ее спокойным и уверенным взглядом, открыл рот, собираясь что-то сказать. Тут какая-то мимолетная мысль заставила его передумать. Внезапно он не смог найти слов.

– Что такое? – спросила она с усмешкой.

Он изменил позу.

– Даже не знаю... Я не узнаю тебя. Ты совсем другая.

– В каком смысле?

Он посмотрел на нее:

– Не знаю. Просто другая. Возможно, потому что я привык видеть тебя в одежде медсестры.

– Тебе бы хотелось всегда видеть меня в ней?

Ее слова, кажется, смутили его – ее это позабавило.

– Но ведь ты узнаешь меня? Ты знаешь, кто я?

– Мне очень любопытно, – проговорил он.

– Что?

– Кто ты такая...

– Но ты же знаешь!

Он покачал головой:

– И да, и нет. Кое-что я о тебе знаю, но не все.

– Зачем тебе все обо мне знать?

Он замер:

– Прости, я не хотел быть навязчивым.

– Ты не навязчив.

– А мне кажется, что я немного...

– Что?

Гектор пожал плечами:

– Иногда я очень тороплюсь, когда мне чего-то хочется. Так что я наверняка бываю навязчив. Но давай не будем об этом. Лучше продолжим с того места, на котором мы остановились.

София не поняла, к чему он клонит.

– А на чем мы остановились?

Им подали еду. Гектор взял омара руками и стал привычными движениями разделявать его.

– Твой папа умер, несколько лет ты грустила, но потом твоя мама встретила Тома и вы переехали в его дом. Правильно?

Поначалу она не поняла, но потом вспомнила, что в больнице он расспрашивал ее о детстве и юности. София рассказывала ему все в хронологическом порядке – вернее, он задавал вопросы в хронологическом порядке. Ее поразило, что она даже не придавала этому значения.

Гектор посмотрел ей в глаза, словно призывая продолжать. София задумалась, порылась в памяти и продолжила свое повествование с того места, на котором остановилась. Рассказала о том, как им с сестрой постепенно полегчало, по мере того как проходило время после смерти отца. Как они вместе с матерью переехали в виллу Тома, расположенную всего в нескольких минутах ходьбы от дома, где они выросли. Как в девятом классе она начала курить «Мальборо Лайт», как жизнь стала казаться не такой уж мрачной.

Они ели устриц, морских раков и омаров. София продолжала говорить. Рассказала о том, как ездила по студенческому обмену в США, о своей первой работе, о путешествии по Азии, о том, как трудно ей далось понимание того, что такое любовь, и как лет до тридцати ее преследовал страх перед взрослой жизнью. Время от времени София клала в рот маленькие кусочки еды, поглощенная своей историей. Минуты шли, и вдруг она осознала, что говорила достаточно долго, не оставляя собеседнику возможности что-либо вставить. Спросила, не слишком ли она его заболтала, не скучно ли ему слушать. Гектор отрицательно покачал головой:

– Продолжай.

– Я повстречала Давида. Мы поженились, у нас родился Альберт, и вдруг годы понеслись вскачь. Дальше я ничего особенного не помню.

Ей не хотелось продолжать.

– Чего ты не помнишь?

София положила в рот еще небольшой кусочек.

– Некоторые периоды жизни просто сливаются, путаются.

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю.

– Но ведь ты знаешь, – улыбнулся он.

Она поковыряла в тарелке вилкой.

– Застой.

Казалось, это слово еще более подогрело его любопытство.

– В каком смысле?

София подняла глаза:

– Что-что?

– В каком смысле – застой?

Она отпила глоток воды, обдумывая его вопрос, и пожала плечами:

– Как у большинства матерей. Дети и одиночество. Давид работал, много ездил по командировкам. Я сидела дома... Ничего не происходило.

София задумалась, какое у нее в этот момент выражение лица. Почувствовав складку на лбу, усилием воли разгладила ее, пытаясь улыбнуться. Прежде чем Гектор успел задать новый вопрос, она продолжила:

– Прошли годы, Давид заболел. Остальное тебе известно.

– Расскажи.

– Он умер, – ответила она.

– Знаю. Но что с ним случилось?

На этот раз Гектор не почувствовал, что здесь проходит граница дозволенного.

– Да что тут скажешь? У него нашли рак. Два года спустя его не стало.

Тон, которым она произнесла эти слова, не позволил ему продолжить тему. Некоторое время они ели в молчании, затем разговор продолжился в том же стиле. Гектор задавал вопросы, а София кратко отвечала на них, не пускаясь в рассказы. Улучив минутку, бросила взгляд на часы. Он тут же понял намек – чтобы сохранить лицо, тоже посмотрел на свои наручные часы.

– Время летит, – проговорил он нейтральным тоном.

Возможно, в этот момент Гектор осознал, что вел себя слишком настойчиво, проявляя излишнее любопытство. Во всяком случае, он вдруг заторопился, свернул салфетку, стал холоден.

– Хочешь, Арон отвезет тебя обратно?

– Спасибо, не нужно.

Гектор поднялся первым.

В метро по пути обратно в больницу София прислонилась лбом к стеклу, вглядываясь невидящим взором в темноту, в размытые контуры, пролетающие мимо.

Нет, он не был настойчив – просто пытался понять, кто она такая по отношению к нему. И в этом София узнавала саму себя: она была такая же, лучше понимала себя через других, стремилась узнать, понять. Однако сходство и пугало ее. В его присутствии она с самого начала испытывала страх – не перед ним, а перед тем, что он излучал, тем, что происходило в такие минуты с ней.

Одиночество было простым и монотонным. Она знала его до последней точки, пряталась в нем целую вечность. И каждый раз, когда кто-нибудь пытался приблизиться к ней, когда ее добровольная изоляция на мгновение переставала казаться абсолютной, она делала шаг назад... Но на этот раз все было иначе. Появление Гектора указывало на что-то

другое...

Внезапно София оказалась в полосе ослепительного света. Поезд метро вынырнул из тоннеля и понесся по мосту между остановками «Бергхамра» и «Дандерюдская больница» – лучи солнца атаковали вагон. София очнулась от своих размышлений, поднялась и встала у двери, стараясь сохранить равновесие, когда поезд со скрипом затормозил у перрона.

София вернулась в больницу, поднялась наверх, переоделась и снова взялась за работу, чтобы отогнать ненужные мысли. Теперь у нее не было любимчика в отделении – но она надеялась, что кто-нибудь вскоре появится.

Ларс Винге набрал номер Гуниллы Страндберг. Она, как всегда, не ответила, и он положил трубку. Через сорок секунд зазвонил его мобильный.

– Алло!

– Ну? – спросила начальница.

– Я только что звонил тебе, – проговорил он.

Тишина в трубке.

– Ну?

Винге прокашлялся.

– Помощник забрал медсестру.

– *Продолжай.*

– Он отвез ее в ресторан, где Гусман угостил ее обедом.

– *Прерви наблюдение и приезжай в офис,* – сказала она и отключилась.

Ларс Винге следил за Гектором Гусманом и Ароном Гейслером с тех пор, как Гусман выписался из больницы. Работа неинтересная – совершенно не о чем рапортовать. Он считал, что такие задания должны выполнять другие – у него куда более высокая квалификация. Он по сути своей аналитик, поэтому его и взяли. Во всяком случае, именно так сказала Гунилла Страндберг, когда двумя месяцами раньше предложила ему работу. В результате он день за днем просиживал в машине, ведя слежку, в то время как остальные члены рабочей группы занимались сбором сведений, разработкой возможных сценариев дальнейших событий и теоретическими выкладками.

Ларс проработал в полиции двенадцать лет, прежде чем на него вышла Гунилла. До этого он работал в полиции общественного порядка Западного округа, пытаясь хоть как-то сгладить этнические противоречия. В своей работе он чувствовал себя одиноким. Коллеги не проявляли такого интереса к общественным вопросам, как он. Ларс по собственной инициативе написал отчет о положении дел в округе. Отчет не вызвал никакого резонанса и не получил признания. Впрочем, если быть до конца честным, Ларс и писал его лишь для того, чтобы хоть чем-то выделиться среди коллег-бройлеров. Именно так он воспринимал своих соратников: грубоватые, с неестественно раздутыми бицепсами, мощными шеями и расплывшимися лицами. Большинство из них казались ему интеллектуально неразвитыми. Они со своей стороны тоже недолгоблывали его, не считая за своего, и он все время это ощущал. На службе Ларс Винге не был тем парнем, с которым другие стремились работать в паре. Когда им случалось дежурить по ночам, он проявлял осторожность, в случае опасности уходил в сторону, давая дорогу большим гориллам. За это его постоянно подкалывали в раздевалке.

Однажды утром, разглядывая себя в зеркале, Ларс вдруг осознал, что у него слишком детское лицо. Он решил исправить эту ситуацию при помощи новой прически – расчесал волосы на прямой пробор. Ему показалось, что у него стал более впечатляющий вид. Теперь его стали называть «штурмбаннфюрер Ларс». Это куда лучше, чем раньше, когда его называли «девчонкой» или «шелковым мальчиком». Он, как всегда, делал вид, что не слышит.

Ларс Винге старался делать свою работу как можно лучше, избегал ситуаций насилия и ночных дежурств, стремился заслужить расположение начальства, пытался поддерживать с

коллегами разговоры ни о чем. Однако все шло вкривь и вкось, все его избегали. У него началась бессонница, на лице возле основания носа выступила экзема.

Через два года после того, как его рапорт об этнических противоречиях был готов, сдан в архив и, скорее всего, забыт, ему позвонила сотрудница Главного управления полиции, представившаяся как Гунилла Страндберг. По голосу и манере говорить она не походила на полицейского и еще меньше походила на сотрудника полиции своей внешностью, как он отметил, когда они встретились в центре города за деловым ланчем. Ей было больше пятидесяти, но меньше шестидесяти, у нее были коротко подстриженные черные волосы с проседью, красивые карие глаза и ровная молодая кожа. Именно на это Ларс обратил внимание в первую очередь – на ее упругую кожу. Гунилла выглядела моложе своих лет, казалась здоровой и свежей. Она производила впечатление человека спокойного и корректного, но иногда могла и улыбнуться. Спокойствие, которое она излучала, базировалось на глубоком осмыслении всего происходящего и планировании каждого последующего шага. Казалось, Страндберг сознательно выбрала такой стиль, полностью отказавшись от спонтанности и случайных импульсов. Во всем чувствовалась ее зрелость и понимание того, как одним неосторожным движением можно испортить все. Кроме того, она умна и компетентна в своем деле – не имела склонности ни преувеличивать, ни преуменьшать, видя мир четким и реалистичным. Он сразу почувствовал ее превосходство, однако его это не расстроило – это показалось ему естественным.

Страндберг рассказала ему о группе, которую ей поручили создать, – своего рода пилотный проект в борьбе с организованной преступностью, в первую очередь международной, и о том, что они будут пользоваться первоочередным правом у прокурора, чтобы дела поскорее передавались в суд. Она сказала также, что прочла отчет Винге и сочла его исключительно интересным. Ларс изо всех сил пытался скрыть, что его буквально распирает от гордости. Он согласился с ее предложением еще до того, как она успела рассказать ему, в чем будет заключаться работа.

Через две недели его перевели из компании «бройлеров» в Западном округе в аналитическую команду в Эстермальме^[7]. В свои тридцать шесть ему пришлось снять форму и носить штатское, ему повысили зарплату, и его охватило ощущение, что именно так он и представлял себе свою дальнейшую карьеру, – что кто-то заметит и оценит его заслуги и знания, значительно превосходящие, по его мнению, средний уровень.

После долгих дней безрезультатной слежки за Ароном и Гектором настал перелом. Гунилла это предсказывала – она говорила, что медсестра еще появится и станет ключевой фигурой в расследовании. Ларс уже забыл это ее предсказание, но в тот день, увидев, как Арон Гейслер открывает дверцу автомобиля перед медсестрой, он снова осознал величие Гуниллы.

Ларс припарковал машину перед полицейским участком на Брахегатан, зашел внутрь, кивнул коллегам, которых даже не знал по именам, и прошел сквозь одноэтажное здание участка к высотному дому позади него.

Три смежных помещения, вытянутых по одной линии, – самый обычный офис, похожий на любой другой, безликая мебель, толстые папки на полках из светлой сосны, унылые картины по стенам, а на окнах – длинные полосатые занавески, повешенные кем-то еще в середине девяностых.

Эва Кастро-Невес улыбнулась ему, когда он прошел мимо. В одной руке она держала мобильный телефон, набирая номер, в другой – бутерброд. Эва всегда все делала на бегу, все

время находилась в движении. Ларс улыбнулся ей в ответ, но она уже не увидела этого. Он зашел в следующее помещение, где сидели Гунилла и Эрик. Начальница держала возле уха телефонную трубку. Эрик, ее брат, как всегда с красным от повышенного давления лицом, наполнял латунную табакерку с изображением викинга на крышке жевательным табаком из пластиковой упаковки. Эрик Страндберг жил на никотине, кофеине и фастфуде. Неухоженная борода и редкие седые волосы придавали ему запущенный вид. Он всегда говорил громко и держался с высокомерием, видимо, оставшимся у него с подросткового возраста и никем вовремя не подкорректированным. Однако у Эрика было одно качество, которое Ларс очень ценил: он дружески и естественно принял Ларса, когда тот начал работать у них. Казалось, он не оценивает Ларса, а принимает его таким, какой он есть.

Эрик отряхнул руки от табака, подмигнул Ларсу и потянулся за булочкой, лежавшей на тарелке посреди стола.

– Здорово, парень! – приветствовал он.

– Привет, – шепотом ответил Ларс.

– Ах ты, черт, какие новости!

– Да уж, ничего не скажешь, – ответил Ларс и уселся на стол рядом с ним.

– Она очень обрадовалась твоему звонку. – Эрик откусил кусок булочки, открыл толстую папку с документами и начал читать. – Извини, мне надо разобраться вот с этим.

– Конечно-конечно, – проговорил Ларс и поспешно поднялся.

Эрик жевал.

– Да ты сиди, ради бога, – дружелюбно сказал он.

– Нет-нет, – ответил Ларс и пошел прочь наигранно твердой походкой.

Он ненавидел в себе эту неуверенность. Как и нерешительность, которая преследовала его всю жизнь. Каким-то непонятным образом она стала частью его самого – он ощущал ее в своих движениях, во всем своем облике. Внешне он должен был бы выглядеть красивым – светлые волосы, синие глаза и довольно мужественные черты лица. Однако его неуверенность в себе все портила. На фотографии, снятой в правильном ракурсе, он, может, и казался себе вполне симпатичным, но в жизни оставался нескладным и неуместным.

Ларс подошел к одной из трех больших мобильных досок на колесах, имевшихся в комнате. Он часто так делал, приходя в офис, прежде всего для того, чтобы не стоять в углу и не чувствовать себя идиотом. Здесь он мог хоть как-то убить время.

На доске, посвященной Гусману, были прикреплены фотоснимки и результаты слежки. Ларс посмотрел на фотокопию паспорта, свидетельство о рождении и какие-то документы на испанском языке, затем на фотографии Арона Гейслера и Гектора Гусмана, прикрепленные с правой стороны доски. Под Гектором виднелись фотографии его брата Эдуардо и сестры Инес, а также старая фотография их матери, снятая в семидесятые годы. Ее звали Пия, была она родом из Флемингберга – красивая блондинка, словно вышедшая из рекламного ролика шампуня «Тимотей», который Ларс видел в детстве в кино.

От Гектора красная линия вела еще к двум черно-белым фотографиям на левой половине доски. Двое мужчин, лица которых были Ларсу незнакомы. Один – загорелый, с зачесанными назад седыми волосами – Адальберто Гусман, отец Гектора. Второй снимок представлял собой увеличенную фотографию из паспорта. На ней был изображен мужчина с коротко остриженными волосами и совершенно пустым взглядом – Лежек Смиалы, телохранитель Адальберто Гусмана.

Ларс прочел текст под фотографиями. Лежек Смиалы работал в органах безопасности в

социалистической Польше. После развала Советского Союза стал частным телохранителем. Начал работать на Адальберто Гусмана предположительно с лета 2001 года.

Ларс перевел взгляд на фотографию Арона Гейслера, прочел краткую информацию под ней. В 70-е годы тот учился в училище в Восточном округе Стокгольма, в 1979 году был членом шахматного общества района Эстермалм. В восьмидесятые отслужил три года в армии в Израиле. Входил в десантную группу, которая первой высадилась в Кувейте в первую иракскую войну. Его родители проживали в Стокгольме до 1989 года, затем переехали в Хайфу. В девяностые находился во французской Гайане. В отчете было много белых пятен.

Отступив на несколько шагов от доски, Ларс оглядел целостную картину и ничего не понял. Оставив это занятие, зашел в кухню, чтобы сделать себе кофе, и нажал на кофеварке кнопки «сахар» и «молоко». В чашку потекла коричневая жижа. Когда он вернулся в комнату, Гунилла уже положила трубку.

– Сегодня в двенадцать ноль восемь Арон Гейслер забрал медсестру у входа в больницу и отвез ее в ресторан «Трастен» в Васастане, где она в течение часа двадцати минут обедала с Гектором Гусманом. – Начальница нацепила на нос очки для чтения. – Ее зовут София Бринкман, медсестра, вдова, воспитывает сына Альберта пятнадцати лет. Она ходит на работу, с работы возвращается домой. Готовит ужин. Это все, что нам о ней известно на сегодняшний день.

Гунилла сняла очки, обвела всех взглядом:

– Эва, ты займешься ее личной жизнью. Постарайся узнать все о ее друзьях, недругах, любовниках... Обо всем.

Она повернулась к Винге:

– Оставь Гектора, Ларс. Сосредоточься на медсестре.

Ларс кивнул, отхлебнул глоток кофе из чашки. Начальница улыбнулась, оглядела собравшихся:

– Иногда случается, что Бог посылает на землю маленького ангелочка.

На этом совещание, судя по всему, было окончено. Гунилла снова надела очки и вернулась к работе, Эва продолжала стучать по клавишам компьютера, а Эрик читал бумаги в толстой папке, одновременно привычным движением вытряхивая из баночки очередную таблетку от давления.

Ларс не понял, что происходит. У него осталось не меньше сотни вопросов. Как ему теперь работать? Сколько информации нужно Гунилле? В каком режиме он должен работать – вечерами и ночами тоже? Чего именно она хочет от него? Ему не хотелось самому принимать решения, он предпочитал выполнять четкие указания. Однако Гунилла придерживалась иного стиля руководства, а он не хотел афишировать свою неуверенность. Винге направился к двери.

– Ларс, я хочу, чтобы ты взял с собой кое-какое оборудование.

Начальница указала на большой ящик, стоявший у стены. Ларс подошел, открыл его. Внутри лежали старинная пишущая машинка, современный факсовый аппарат, профессиональная цифровая фотокамера «Никон» с несколькими сменными объективами, а также небольшая деревянная коробочка. Открыв ее, Ларс обнаружил несколько миниатюрных микрофонов, упакованных в поролоновые ячейки.

– Но ведь мы не собираемся их прослушивать? – спросил он и тут же пожалел о своих словах.

– Нет, но они должны быть у тебя под рукой. Фотоаппаратом начинай пользоваться

прямо сейчас – следи за ней и фотографируй. Необходимо собрать как можно больше информации и как можно скорее. Отчеты будешь писать на машинке и посылать мне по факсу. Факс зашифрован, ты просто подключишь его дома к телефонной розетке, как обычно.

Ларс рассматривал оборудование. Гунилла заметила недоумение на его лице.

– Все наши сотрудники пишут свои отчеты и аналитические обзоры на пишущих машинках. Мы нигде не оставляем никаких цифровых следов – не хотим рисковать. Помни об этом.

Он посмотрел ей в глаза, кивнул, взял ящик и вышел из офиса.

Лежек приближался к нему, бредя вдоль берега и пряча взгляд.

Адальберто Гусман, или Гусман эль Буэно, как его иногда называли, только что вышел на берег из моря. На маленьком столике на песке стоял стакан свежесжатого сока. На стуле лежало аккуратно свернутое полотенце, на спинке висел халат. Адальберто вытерся полотенцем, накинул халат и стал пить сок, глядя на море.

В детстве он плавал с матерью по тому самому маршруту, который проделал сейчас. Каждое утро они плыли рядом, плечо к плечу. Но если маршрут оставался прежним, то зрелище, открывавшееся взору на обратном пути, менялось с годами. В начале шестидесятых, встретив свою большую любовь – сотрудницу шведской турфирмы Пию, – он купил всю землю вокруг виллы, сровнял с землей все остальные дома и посадил кипарисы и оливковые рощи там, где раньше проходила муниципальная дорога. Сегодня ему принадлежали и вода, в которой он плавал, и берега, на которые он из нее выходил.

Гусману исполнилось семьдесят три года, он был вдовец и отец троих детей – двух сыновей и дочери. В течение трех десятилетий Адальберто жертвовал огромные суммы на благотворительность, не преследуя никаких корыстных интересов. Он сам создал бизнес, который сделал его состоятельным человеком. О нем говорили как о человеке щедром, проявляющем заботу о социально незащищенных, он поддерживал церковь и часто фигурировал в качестве почетного гостя в местных кулинарных телепрограммах. Его называли Гусман эль Буэно – Гусман Добрый.

Гусман коротко похлопал Лежека по плечу, когда они встретились. Тот ждал на почтительном расстоянии, а потом пошел вслед за ним к вилле.

– Иногда дела поворачиваются непредсказуемо, друг мой, – сказал Гусман.

Лежек шел молча.

– Они получили наше сообщение, не так ли? – продолжал он.

Гусман начал подниматься по каменной лестнице к дому.

– Не совсем так, как мы хотели, – пробормотал поляк.

– Но они поняли намек, и ты вернулся целым и невредимым, а это самое главное.

Лежек не ответил.

Большая стеклянная дверь веранды была нараспашку, и белые льняные занавески колыхались от морского ветра. Гусман и Лежек вошли в дом. Хозяин скинул халат в тот момент, когда горничная принесла ему одежду. Он без всякого стеснения переодевался при телохранителе.

– Я волнуюсь за детей, – проговорил Гусман, надевая бежевые брюки. – У Гектора есть Арон, он справится, а вот к Эдуардо и Инес придется приставить охрану. Если они будут возражать, то... Нет, они не должны возражать.

Эдуардо и Инес жили собственной жизнью вдали от Адальберто Гусмана. Он почти не

общался с ними, но всегда посылал большие и дорогостоящие подарки на дни рождения внуков. Инес просила его прекратить, но Гусман не желал ее слушать.

А вот старший сын Гектор всегда был рядом. Еще в возрасте пятнадцати лет он начал интересоваться делами отца. В восемнадцать он управлял бизнесом вместе с отцом. Первое, что сделал Гектор, – прекратил торговлю героином между Северной Африкой и Испанией, так как полиция резко усилила работу против наркоторговли. Вместо этого он сделал упор на создание финансовой «прачечной». Теперь они могли отмывать деньги, полученные от торговли наркотиками и оружием, а также от разбойных нападений, – все, чему нужно было придать законный вид. Оказалось, что продавать героин в Южную Европу не менее выгодно. Гусманы прославились своей открытостью ко всем новым идеям. И в девяностые годы, когда Америка объявила настоящую войну наркотикам, из-за чего цены на кокаин взлетели до небес, они просто не могли оставаться в стороне.

Гусманы посетили Дона Игнасио в Валле-дель-Каука в Колумбии, чтобы разведать возможности создания собственных каналов в Европу. Адальберто и Гектору удалось найти несколько путей для контрабандного вывоза наркотиков, однако это была тяжелая, затратная и рискованная работа. Несколько раз меняли они свои маршруты, однако ряд поставок у них перехватили разбойники и таможня. В конце концов они сдались и решили пока заморозить эту идею. В начале двухтысячных легальный бизнес Адальберто и Гектора развивался вяло, так что восстановление шло небыстро. Однако они не могли отказаться от идеи наладить канал для перевозки кокаина. Проверили еще один путь – из Парагвая в Роттердам: он оказался надежным и самым выигрышным. Теперь Гусманы позволили себе немного расслабиться – деньги снова потекли в их карманы, жизнь заиграла новыми красками.

И тут внезапно дорогу им перебежали немцы и стащили весь товар прямо у них из-под носа. Адальберто вынужден был признать, что его застали врасплох. Однако с Ральфом Ханке ему довелось столкнуться не впервые. Судьба уже однажды сводила их несколькими годами ранее при проведении тендера на строительство виадука в Брюсселе. Ханке пытался подкупить все заинтересованные стороны и любой ценой получить этот заказ. Однако контракт достался тогда Гусману – он обошел соперника перед самым финишем. Собственно, ничего особенного в том контракте не было, так что, когда Ханке украл их кокаин, Адальберто знал, с кем имеет дело: его соперник – идиот с непомерными амбициями.

Установить и поддерживать контрабандный путь от Парагвая до Роттердама оказалось непросто. Взятки, взятки и еще раз взятки – все каналы поддерживались только так. Деньги не являлись проблемой, сложнее оказалось найти нужных людей, которые были бы готовы их принять. Со временем Гусманам удалось создать сеть надежных людей, исправно делавших то, за что им платят: таможенники, упаковщики и вьетнамский капитан, владелец судна, старой ржавой посуды, головой ручающийся за свою команду. Все шло как по маслу – вероятно, именно поэтому в один прекрасный день появился Ральф Ханке и заграбастал все одним махом. Он повысил вознаграждение каждому, кого подкупил Гусман, пригрозил курьеру, встречавшему судно в Роттердаме, забрал себе весь товар и использовал свои каналы, чтобы распространить кокаин дальше по Европе.

Адальберто Гусман получил с курьерской почтой письмо, написанное от руки. Изящные формулировки, формальный стиль, дорогая бумага цвета слоновой кости. Между строк он прочел, что всякие попытки к противостоянию будут пресекаться. Адальберто Гусман послал ответ, тоже написанный от руки, не столь формальный и на более дешевой бумаге, –

пояснил, что намерен взыскать упущенную по их вине прибыль с процентами. В ответ на это Ханке послал в Стокгольм своего человека, который сбил Гектора на пешеходном переходе. Виновник скрылся с места преступления – шведской полиции так и не удалось найти машину.

Повинуясь первому импульсу, Адальберто послал Лежека в Мюнхен, чтобы лишить жизни сына Ханке. Однако тут все пошло не по плану. «Пожалуй, так даже лучше, – размышлял он задним числом. – Пока ничья. Пусть некоторое время так и будет».

Раздались звуки мягкой поступи лап. К хозяину подбежал его пес Пино с мячиком в зубах, виляя хвостом с неудержимой радостью и энтузиазмом. Пино был простой дворняжкой, которая пришла к его дверям пять лет назад. Адальберто впустил собаку, и с тех пор они стали неразлучны.

Гусман эль Буэно взял мяч и бросил его. Пес догнал мячик, схватил его в зубы и побежал обратно к хозяину – как всегда, в восторге от игры.

Если затишье продолжится, он сможет сосредоточиться на мысли о том, как вернуть свой бизнес, ибо именно это он и намеревался сделать.

Вечер был теплый, оглушительно стрекотали цикады, а из телевизора где-то неподалеку доносились звуки парагвайского телешоу.

Йенс упаковывал ящики в старом складском помещении. Он разобрал автоматы и уложил стволы в ящик с металлическими трубами разной длины и диаметра. Приклады в вакуумной упаковке он засунул между арбузами.

В последние годы ему пришлось много потрудиться. Йенс побывал в Багдаде, в Сьерра-Леоне, в Бейруте, в Афганистане, вел опасный образ жизни. В него стреляли, он стрелял в ответ, сталкивался с людьми, которых предпочел бы никогда больше не видеть.

Йенс решил, что после этого заказа позволит себе небольшой отпуск – поедет домой, отдохнет. Обычно он не сопровождал свой товар, это было слишком рискованно. Но на этот раз ему захотелось поехать самому. Из портового города в Бразилии он заказал место для груза на грузовом судне, приписанном в Панаме и следующем в Роттердам. Вьетнамский капитан знал свое дело – заявил, что другой клиент уже позаботился о том, чтобы выгрузка в Роттердаме прошла без проблем, но и цена будет соответствующая. Путь до Европы занимал две недели, и Йенс почувствовал, что ему нужен этот период бездействия, чтобы прийти в себя, а заодно проверить свое терпение, посмотреть, как далеко зашла его неспособность усидеть на месте. На судне у него не будет возможности бежать, как он обычно поступал, увидев один и тот же пейзаж два раза.

Заколотив ящики, Йенс заполнил фальшивые таможенные декларации и загрузил товар на старый грузовик, который на следующее утро должен был отвезти его и оружие в Паранагуа.

Когда все было закончено, Йенс вышел на улицы Сьюдад-дель-Эсте. Там царил полный хаос. Грязно, многолюдно, шумно – и надо всем этим насыщенный запах, словно вобравший в себя все ароматы земли. Иногда казалось, что в городе совсем не осталось кислорода, настолько интенсивным был этот запах. Бедняки сновали босиком, богатые – в туфлях, все хотели что-то продать, некоторые хотели что-то купить... Йенс обожал это место.

Сидя в местном пабе, он развлекался тем, что пил крепкие напитки и общался с молодыми туристками из Новой Зеландии, однако вскоре устал от их общества и потихоньку перебрался в другой бар. Там он нашел укромный уголок и напился в полном одиночестве.

Поездка на следующий день в Паранагуа превратилась в кошмарный сон продолжительностью одиннадцать часов. Похмелье не давало ему заснуть, шофер кричал и постоянно гудел, пробираясь вперед, в Бразилию.

Корабль оказался ржавой старой посудиною пятидесятих годов, синий в тех местах, где еще сохранилась краска; метров шестьдесят-семьдесят в длину и двенадцать в ширину, с надрывно работавшими дизельными двигателями под палубой. Звук долетал до причала, на котором стоял Йенс, разглядывая корабль. Капитанский мостик был расположен на корме. Половина палубы была открыта, на ней громоздились в беспорядке контейнеры, а также ящики, поддоны и прочие приспособления для упаковки грузов. Одним словом, старое, выдавшее виды грузовое судно.

По шаткому трапу Йенс поднялся на борт, огляделся, стоя на палубе, – теперь судно казалось больше, чем с причала.

Поблуждав, он разыскал свою каюту, более смахивавшую на камеру. Она была как раз такой ширины, чтобы он мог войти, не поворачиваясь боком. Узкая койка, приделанная к стене, маленький шкафчик – и ничего больше. Однако он остался доволен: во-первых, каюта располагалась выше ватерлинии и имела окно, во-вторых, он был в ней один.

Когда судно отчалило, Йенс стоял, прислонившись к перилам. Солнце висело над горизонтом, он смотрел, как исчезает из виду грузовой порт Паранагуа.

Рабочие дни Ларса Винге казались долгими и бессмысленными. Он сфотографировал Софию, когда она возвращалась на велосипеде с работы. Сидел в машине, пытаясь как-то скоротать время, сделал несколько мутных снимков, когда она промелькнула в окне своего дома. Следил за Софией и ее сыном Альбертом, когда они отправились в город, зашли в ресторанчик, а затем отправились в кино. Затем два дня подряд она ужинала в полном одиночестве. Ларс понятия не имел, зачем всем этим занимается, все казалось совершенно бессмысленным.

Он чувствовал себя утомленным и раздраженным, однако, не имея возможности поделиться с кем бы то ни было своими чувствами, вынужден был копить их в себе.

Накануне вечером Ларс отправил Гунилле отчет о поведении Софии, предложив в заключительной части прервать наблюдение.

В гостиной в квартире Ларса сидела его подруга Сара и смотрела телепрограмму об окружающей среде. Она была глубоко возмущена – профессор из Англии заявил, что мир движется к полному краху. Ларс стоял, прислонившись к косяку, и тоже смотрел. Статистика и серьезные рассуждения высокообразованных людей напугали его.

В телефоне запищало смс-сообщение. Гунилла писала, что он важен для следствия, что необходимо продолжать слежку. Сообщение заканчивалось словом «обнимаю».

Хотя Ларс прекрасно понимал, что ее комплименты – всего лишь прием, чтобы заставить его работать дальше, однако настроение заметно улучшилось. Он решил продолжать работу. Придет время, когда ему поручат что-нибудь другое, Гунилла даст ему более интересные задания, соответствующие его интеллектуальному уровню, и ему не придется просиживать дни и ночи в машине, следя за медсестрой, которая ведет на редкость упорядоченный и банальный образ жизни. Тогда он начнет видеть смысл в своей работе, тогда и другие члены группы заметят и оценят его.

Ларс уселся на диван рядом с Сарой и досмотрел с ней программу, в которой

говорилось, что планета Земля скоро погибнет и что в этом есть его вина. Ощувив укол совести, он, как и Сара, возмутился по поводу фактов, звучавших в передаче. Сара сказала, что перестанет летать на самолете, – в следующий раз обязательно поедет поездом, если они когда-нибудь соберутся поехать за границу. Ларс кивнул – он намеревался поступить так же.

– Сегодня вечером у меня работенка... Пойдем поваляемся, а?

Она покачала головой, не отрывая взгляда от телевизора.

В половине восьмого Ларс припарковал свой «Вольво» чуть в стороне от дома Софии и стал бродить по улицам в окрестностях, ища место, с которого открывался бы самый лучший вид. Как всегда, не увидев ничего необычного, он вернулся к машине. Посидев некоторое время за рулем, глядя в одну точку, он проехал вокруг квартала, в десятый раз изучая местность. Припарковался в другом месте, сделал несколько неудачных снимков ее дома, записал что-то, в чем не было никакой необходимости. Около девяти Ларс снова вздохнул и завел машину, решив сделать еще кружочек, прежде чем отправиться к себе.

Он как раз проезжал мимо дома, когда из него, к ожидавшему ее такси, вышла София. На ней была легкая накидка без застежки, в руках изящный клатч. Сев на заднее сиденье такси, она уехала.

Ларс видел ее всего несколько секунд, когда проезжал мимо на машине. Время растянулось, все происходило, как в замедленной съемке. В этот краткий миг она показалась ему совершенством. Ларса охватило острое ощущение, что он знает ее, а она знает его. Отогнав от себя странную иллюзию, он отъехал чуть подальше, развернулся и последовал за такси.

Ларс держался на почтительном расстоянии, сердце нервно стучало в груди, ему, как назло, захотелось в туалет. Он не сводил глаз с такси, которое свернуло на улицу Ярла Биргера, затем налево, на Карлавеген, проехало мимо Хумлегордена и остановилось наконец на Сибиллегатан. Ларс проехал мимо, когда София выходила из такси, и видел в зеркало заднего вида, как она вошла в подъезд.

Ларс припарковался на автобусной полосе чуть дальше по улице, подождал минуту, прежде чем выйти из машины. Подошел к двери подъезда, посветил через стекло на табличку с фамилиями жильцов и записал их себе в блокнот.

Около одиннадцати София снова вышла из дома в сопровождении подруги. Взявшись под руки, они направились в сторону площади Эстермальмсторг. Обе смеялись, София жестикулировала, рассказывая какую-то смешную историю, подруга вдруг остановилась и буквально согнулась от смеха. Ларс вышел из машины и последовал за ними.

В тот вечер София с подругой посетили три заведения. В два из них Ларса не пускали, так что ему пришлось показать полицейское удостоверение.

София и ее подруга сидели в баре. Несколько раз к ним подходили мужчины разных возрастов, пытаясь познакомиться, однако женщины интереса не проявляли. Ларс наблюдал за ними со своего места в глубине зала, попивал «Верджин Мэри» и чувствовал себя не в своей тарелке. На люди он редко выходил и посещал обычные рестораны, а не клубы – и уж точно не в этой части города. Снова посмотрев на Софию, Ларс поймал себя на том, что сидит, уставившись, отвел глаза, сделал глоток из своего бокала. Томатный сок показался ему горьковатым. Ее близость выбила его из колеи, он снова покосился на нее – и снова был поражен ее красотой и привлекательностью. Теперь он мог разглядеть детали, на которые раньше не обращал внимания: крошечные, почти незаметные морщинки вокруг глаз,

обнаженная шея, роскошные непокорные волосы... Ее затылок, которым она то и дело поворачивалась к нему, был идеальной формы и придавал статность всей фигуре. Лоб, придававший облику особую элегантность и изысканность, которую дополняло утонченное выражение лица. Сейчас он приблизился к ней – пожалуй, находился даже слишком близко. Однако продолжал смотреть, как подросток, впервые в жизни увидевший голое тело.

София и ее подруга засмеялись. Их веселое настроение передалось Ларсу, и вдруг София повернулась к нему, словно поймав его пристальный взгляд. Их глаза на мгновение встретились, она улыбнулась ему, не переставая смеяться, он улыбнулся в ответ, но ее взгляд уже скользнул дальше.

Еще долго он ощущал на своем лице ее улыбку. Затем повернулся и поспешно покинул помещение.

Дома в свете энергосберегающей лампы Ларс напечатал отчет о событиях вечера, о подруге Софии, высказал предположения по поводу ее фамилии из тех, что прочел в подъезде, и отправил отчет по факсу Гунилле.

Сара спала. Ларс залез в постель, она пошевелилась, проснулась и растерянно прошептала:

– Который час?

– Очень поздно... или рано, – проговорил он.

Она снова натянула на себя одеяло, отвернулась от него. Он прижался к ней, неуклюже пытаясь ласкать. Прелюдия у него не очень получалась, ему не хватало чувства и изящества.

– Перестань, Ларс! – с раздражением вздохнула Сара и отодвинулась еще дальше.

Он перевернулся на спину, глядя в потолок, стал прислушиваться к глухим звукам проезжающих мимо по улице машин. Поняв, что заснуть не удастся, поднялся с постели и уселся перед телевизором, где в каждой красивой женщине узнавал Софию Бринкман.

В универмаге звучала красивая, успокаивающая музыка. София бродила по отделу женского белья, пробуя на ощупь материалы. Затем пошла в отдел парфюмерии, купила дорогой крем, обещавший чудеса.

– София!

Она обернулась и увидела Гектора – с палкой и загипсованной ногой, за ним Арона с двумя пакетами из мужского отдела в руках.

– Гектор!

Молчание длилось на секунду дольше, чем положено.

– Выбрала себе что-нибудь стоящее? – спросил он.

– Пока только крем. – Она показала свой маленький пакетик. – А ты?

Гектор посмотрел на пакеты в руках у Арона, задумчиво кивнул самому себе.

– Даже не знаю, – негромко проговорил он и устремил на нее задумчивый взгляд. – Мы так и не выпили кофе.

– Что-что?

– В последний раз после обеда мы не успели выпить кофе. На первом этаже есть вполне приличное кафе.

София пила кофе с молоком, Гектор – тоже. Девушка в клетчатом переднике, стоявшая за прилавком, предложила им массу разных сортов, но оба отмахнулись от ее предложений,

предпочтя обычный, самый надежный вариант.

Арон сидел чуть в стороне и терпеливо ждал, держа в поле зрения все помещение.

– Он что – даже кофе не пьет?

Гектор покачал головой:

– Нет, он кофе не любит. Арон не такой, как все.

На некоторое время воцарилось молчание. Его прервала София:

– Как идут дела в книжном бизнесе?

Гектор улыбнулся ее нелепому вопросу, даже не стал отвечать.

– А как дела у тебя в больнице? – спросил он.

– Как обычно. Люди заболевают, некоторые выздоравливают – но все героически борются.

Гектор понял, что она говорит это без тени иронии.

– Так всегда бывает. – Он отпил глоток из своей чашки и поставил ее на блюдечко. – У меня скоро день рождения.

София изобразила на лице радость.

– Я хотел бы пригласить тебя на мой праздник.

– Может быть, – ответила она.

Гектор бросил на нее короткий взгляд. Она успела заметить перемену в его настроении – словно радость и чувство юмора испарились, на их место пришло что-то другое, чему она сразу не могла подобрать слов.

– Это было приглашение. Говорить в ответ на приглашение «может быть» невежливо. Ты могла бы сказать «да» или «нет», как все остальные.

София почувствовала себя глупо. Словно она играла в какую-то игру – исходила из того, что он флиртует с ней, и набивала себе цену. Возможно, он вовсе не собирался с ней флиртовать. Чем дольше она смотрела на него, тем очевиднее ей становилось, что он не ухаживает за ней. У него на уме что-то другое – может быть, это просто друг, который хорошо к ней относится. Во всяком случае, ничто пока не указывало на большее.

– Прости, – проговорила она.

– Прощаю, – поспешно ответил он.

– Я с удовольствием приду на твой день рождения, Гектор.

Он снова улыбнулся.

Защелкали вспышки. Ральф Ханке улыбнулся на камеры, пожимая руку низенькому мужчине с усами и редующими волосами.

Кто-то из журналистов спросил местного политика, уместно ли, с его точки зрения, строить торговый центр на том месте, где похоронены жертвы Второй мировой войны. Политик начал заикаться и через несколько предложений совсем зашел в тупик. Ральф Ханке вступил в разговор:

– Это необоснованное утверждение. Мы затратили много средств и времени на всестороннее обследование данного участка земли...

Журналисты засыпали Ральфа вопросами. Никто уже не вспоминал о предстоящей стройке или захоронениях. Вопросы касались всего, от размеров его состояния до слухов о его романе с украинской фотомodelью.

Ральф Ханке обычно не давал интервью, он показывался на публике лишь иногда и в самых неожиданных местах, где не происходило ничего существенного – как в этот раз на месте строительства будущего торгового комплекса в пригороде Мюнхена.

Его правая рука Роланд Гентц вышел вперед, поблагодарил журналистов за их интерес и вывел Ральфа в заднюю дверь позади президиума.

Они сидели в машине. За рулем был Михаил Сергеевич Асмаров – огромный русский с могучей шеей.

– Он не умеет вовремя заткнуться. Проблема этого низкорослого идиота в том, что он считает себя слугой народа, – проговорил Роланд, сидевший на переднем сиденье.

Ральф смотрел в окно. Мимо проплывали дома, здания, магазины, люди – все они были ему неизвестны, и он понимал, что так нужно. В последнее время все было поставлено на карту – он любил играть по-крупному. Его строительная компания получала все контракты, которые ему хотелось. Строительство торговых центров, верфей, многоэтажных парковок и бизнес-центров выглядело достойно, придавало его деятельности законный вид. Он создавал рабочие места и зарабатывал массу денег – чистых денег, не нуждавшихся в отмывании.

Ральф Ханке был человеком, который сам себя сделал, этого никто не смог бы отрицать. Вырос он в тогдашней ГДР, будучи единственным ребенком в малообеспеченной семье. В 1978 году у него родился сын Кристиан, а двумя годами позже Ханке развелся с его матерью, пристрастившейся к героину.

В течение нескольких лет, предшествовавших падению стены, он работал на почте и писал в Штази^[8] доносы на своих коллег. Его деятельность в качестве доносчика обеспечила ему некоторые преимущества, которыми он воспользовался позднее, и свела с некоторыми сотрудниками разведки, предвидевшими падение Восточной Германии. Уволившись с почты, он вместе с некоторыми друзьями из Штази подготовил кражу секретных материалов о доносчиках, чтобы продать их им после падения Берлинской стены.

В последние годы Ральф активно работал на Штази и входил в КоКо – совет по коммерческой координации. Отделу вменялось тайно добывать западную валюту, чтобы поддержать на плаву страну, уже стоявшую на грани полного банкротства.

Ральф Ханке и его дружки распродавали огнестрельное оружие бывшей армии ГДР любым покупателям, которых им только удавалось найти. Свою первую в жизни заграничную поездку он предпринял в Панаму к генералу Норьеге^[9]. Тот покупал оружие

наличными, за доллары, и Ральф Ханке впервые ощутил, что обрел смысл жизни. 9 ноября 1986 года он, свободный как птица, перешел в Западный Берлин вместе с сыном Кристианом. Солнце, светившее ему в спину, освещало дорогу через Бранденбургские ворота – и вперед, к новой жизни.

Некоторое время Ральф жил у старого друга, обосновавшегося в Западном Берлине, и выжидал несколько месяцев, прежде чем предложить бывшим доносчикам выкупить у него архивные материалы о них самих. Чем больше времени проходило, тем большие суммы ему удавалось выручить за эти документы. Свое быстро сколоченное состояние он употребил на то, что скупал ворованное вооружение распадающейся армии – машины, оружие, прочее оборудование, которое доставалось ему почти за бесценок, перепродавал его и удесятерил свой капитал. Ральф сохранил копии отчетов в Штази, которые продавал доносчикам, – многие из них со временем заняли высокие посты в обновленной Германии.

В конце девяностых, когда большинство из этих людей чувствовали себя в безопасности, их снова посетил Ханке, державший в руках их тайны, – на этот раз вместе с юным Кристианом. Теперь Ральфа интересовали не деньги, он просил об услугах иного рода, которые позволили ему медленно, но верно выстроить свою империю власти и богатства.

Ральф и Кристиан объездили весь мир, заводя новые связи с правительствами и главами крупнейших корпораций, платили взятки и продавали самолеты, машины и радары воюющим странам через подставных лиц и фиктивные предприятия. Всего за несколько лет они создали предприятие «Ханке Гмбх» и начали зарабатывать серьезные деньги.

Вид за окном машины изменился – теперь они находились в центре Мюнхена. Ханке казалось, что этот город сияет – сияет успехом и здравым смыслом.

Кожаное сиденье закрипело, когда он выпрямился.

– Тебе удалось связаться с Кристианом?

– Да, – ответил Роланд.

Ральф ждал.

– И что?

– Он сидит дома, заливают горе. Видимо, она много значила для него.

– Наверняка.

Ральф посмотрел в окно автомобиля. Когда машина Кристиана взлетела на воздух, он испытал облегчение – облегчение по поводу того, что самого Кристиана в тот момент в машине не было. Он размышлял над тем, действительно ли это ответ Гусмана? Кто был мишенью – Кристиан или его подружка? Или это привет от кого-то другого – в таком случае от кого? Нет, это все же Гусман. Однако методы работы удивили Ральфа. Неужели они приравнивают травму, полученную Гектором на пешеходном переходе, к жизни подружки Кристиана? Или это всего лишь несчастный случай, а на самом деле они охотились за Кристианом, чтобы показать серьезность своих намерений?

Ральф поглядел на Фрауенкирхе. Прищурившись, поднял глаза и посмотрел на ее купола, пытаясь представить, как будет развиваться дальше история с Гусманом. Как поведет себя Адальберто, когда его поставят на колени? Именно это Ральф намеревался сделать – в первую очередь потому, что ему было любопытно, каков же Гусман на самом деле. Только когда человек распростерт на земле, выясняется его истинная сущность. Одни лежали в грязи, жалким голосом прося пощады. Другие поднимались, чтобы получить новый удар и вновь упасть. Некоторые вставали, сваливали все на кого-то другого и продавали душу дьяволу. Кто-то назвал бы это инстинктом самосохранения, но Ральф называл это «страхом

за свою шкуру». Однако оставалась еще крошечная группка людей, которые без тени страха беспощадно наносили ответный удар. Они вызывали уважение – может быть, Гусман из таких?

Роланд прервал тишину и стал озвучивать Ральфу дальнейшее расписание на день. Он проработал на Ральфа восемь лет. Роланд Гентц заботился о том, чтобы любая проблема Ральфа превращалась в преимущество и выигрыш. Он имел образование экономиста, юриста и обществоведа, к тому же был человеком без предрассудков – это качество Ральф в нем особенно ценил. Роланд стал его правой рукой, без которой он не мог обходиться; Роланд делал то, что Ральф не смог бы сделать сам. Поддерживал связи с людьми, вел переговоры и следил за тем, чтобы все шло как по маслу. Если кто-нибудь начинал упрямиться, Роланд отходил в тень, и за дело брался Михаил. Простая, но в высшей степени эффективная схема распределения ролей.

– Михаил, ты поедешь в Роттердам встретить груз, не так ли? – сказал Гентц.

– Зачем он поедет в Роттердам? – прервал его Ральф.

Роланд наполовину развернулся к нему.

– Я решил, что кто-то всегда будет лично встречать груз – во всяком случае, в первые полгода. Надежности ради. Вдруг Гусману что-нибудь взбредет в голову?

– Почему Михаил? У нас что, нет никого другого?

– Остальные заняты другими делами. Так будет лучше.

Михаил на своем ломаном немецком подтвердил, что он уже все подготовил, что поедет он еще с двумя парнями и все будет хорошо.

– Кто эти двое?

– Мы вместе служили в Чечне.

– Они нормальные?

Михаил чуть улыбнулся и покачал головой:

– Нет, ни с какой стороны.

Ральфу нравилось отношение Михаила к жизни – ему всегда импонировал этот русский. В нем чувствовалась какая-то естественность: он не задавал лишних вопросов, ему незнакомы были сомнения. Он просто делал то, что ему поручали, а если что-то шло не по плану, проявлял инициативу и решал проблему.

– Хорошо. – Ральф расслабился и закрыл глаза. Несколько минут сна ему бы сейчас не повредили.

Стоя перед зеркалом, София примерила несколько нарядов в разных стилях. Ей показалось, что она одета слишком торжественно, и в конце концов она исправила ситуацию, надев джинсы.

– Мам, ты куда?

Альберт сидел на диване в гостиной. Она увидела его, спускаясь по лестнице.

– На вечеринку.

– Что за вечеринка?

– День рождения.

– Чей?

София остановилась в холле, оглядела себя в зеркале, висевшем над комодом.

– Друга.

– Какого друга?

– Его зовут Гектор.

Наклонившись к зеркалу, она подкрасила губы.

– Гектор? Что еще за Гектор, черт побери?

София сжала губы.

– Не ругайся!

– Так кто он такой?

Она наложила сверху блеск.

– Это мой бывший пациент.

– Mam, это жест отчаяния?

София услышала иронию в его голосе, усилием воли подавила улыбку. Сын поднялся с дивана, направился в кухню. Проходя мимо нее, пробормотал:

– Классно выглядишь, мам!

Он всегда поддерживал ее в тех редких случаях, когда она собиралась «на выход».

– Спасибо, мой дорогой!

Такси высадило Софию возле ресторана «Трастен». Когда она взялась за ручку двери, собираясь войти, навстречу ей вышел молодой человек в белой рубашке и черных брюках. Придержав дверь, он взял у нее плащ и приветствовал на ломаном английском. София вдруг занервничала, начала думать, что напрасно пришла. Из зала доносились голоса и смех.

На этот раз помещение было освещено не лампами, а свечами. Люди сидели за отдельными столиками, смеялись, разговаривали и пили. За ней вошли еще несколько человек. София покосилась на гостей, оценивая, как они одеты. Похоже, она одета не слишком нарядно и не слишком буднично – нечто среднее, как она и хотела. Мимо нее прошла женщина с подносом, на котором стояли бокалы, наполненные шампанским. София взяла бокал, поискала глазами Гектора и обнаружила его за одним из столиков в глубине зала с ребенком на коленях. Мальчик радостно смеялся, когда Гектор раскачивал его своей здоровой ногой. Она направилась было к нему, но тут кто-то настойчиво постучал ножом по бокалу, привлекая всеобщее внимание. Она остановилась, встала у стены и увидела мужчину лет пятидесяти с совершенно лысым черепом и расстегнутым воротом рубашки, который вышел на середину и теперь ждал, пока уляжется гомон в зале. Он снова постучал по бокалу – голос за одним из столов громко произнес что-то по-испански, и несколько человек рассмеялись. Человек, попросивший тишины, дождался, пока смех стихнет, и заговорил по-испански. Время от времени он поворачивался к Гектору, и вскоре стало заметно, что он расчувствовался – голос зазвучал теперь тише и мягче, а порой и вовсе изменял ему. Гектор молча слушал, и мальчик у него на коленях замер, прижавшись к нему. Мужчина закончил речь, поднял бокал и провозгласил тост за Гектора. Остальные присоединились к нему. Когда София поднесла к губам бокал, Гектор заметил ее и помахал ей, чтобы она подошла к нему. Мальчик, сидевший у него на коленях, исчез. Вокруг снова зазвучал гул голосов, София направилась к Гектору. Тот что-то шепнул сидевшей рядом с ним девочке. Девочка встала, уступив свое место Софии – та с любезной улыбкой поблагодарила ее. Гектор тоже поднялся – и словно замер, не сводя с нее глаз. София рассмеялась, он взял себя в руки и расцеловал ее в обе щеки.

– Добро пожаловать, София!

– Поздравляю с днем рождения, Гектор!

София вручила ему небольшой подарок. Он принял его, но разворачивать не стал. Его

глаза еще ненадолго задержались на ней.

– Я так рад, что ты пришла!

Она улыбнулась в ответ.

– Пойдем, я познакомлю тебя с моей сестрой.

Они пошли к другому столику. София заметила Арона, сидящего возле барной стойки у дальней стены, – он приветливо кивнул ей.

Навстречу им из-за одного из столов поднялась приятная женщина – короткие темные волосы, темные веснушки на оливковой коже, глаза, выразившие одновременно радость и любопытство.

– Познакомься, София, это моя сестра Инес.

София протянула руку, но Инес не обратила на это внимания, а просто обняла ее, поцеловав в воздухе, когда их щеки соприкоснулись. Гектор что-то быстро сказал Инес по-испански, и та что-то ответила, глядя на Софию.

– Она хочет поблагодарить тебя за то, что ты позаботилась о ее непутевом братце.

София узнала, что у Инес двое детей, которые остались в Мадриде с ее мужем. Инес сказала, что очень рада встрече с Софией, похлопала ее по руке и исчезла.

– Мой брат не смог приехать. Он океанолог, живет во Франции, но предпочитает проводить время под поверхностью воды. Я не обижаюсь на него, – сказал Гектор.

Мужчина, произносивший речь, подошел и обнял Гектора, потом повернулся к Софии. Его мощная фигура и огромный нос вблизи казались еще больше. На нем были надеты золотые украшения – толстый браслет на запястье, цепь на шее и по золотому кольцу на безымянных пальцах.

– София, это Карлос Фуэнтес, хозяин ресторана.

– Приятно познакомиться, София! Я уже видел тебя, но только мельком, когда ты обедала здесь с Гектором. – Карлос говорил с заметным акцентом. – Как я понял, ты медсестра. Может быть, ты вылечишь мое разбитое сердце?

Карлос приложил руку к груди, улыбнулся ей и отошел от них.

– Почему у него разбитое сердце? – спросила София.

Гектор пожал плечами:

– В глазах женщин он хочет выглядеть безнадежным романтиком. На самом деле у него не разбитое сердце, а две разбитых семьи, которые разбил он сам.

Гектор посмотрел вслед Карлосу. На мгновение Софии почудилось что-то мрачное в его взгляде.

Рядом с ними появилась пара – видимо, родом из Западной Индии. Мужчина был высокий, казался одновременно и стройным, и мощным. Женщина была очень красивая, с пышной круглой прической на голове. Они подошли к Гектору, держась за руки. Казалось, они владеют всем миром, но мечтают с кем-нибудь поделиться. Высокий мужчина дружески похлопал Гектора по плечу, вручил ему подарок, завернутый в яркую бумагу. Гектор просиял, а мужчина схватил Софию за руку:

– Я Терри, а это моя жена Дафни.

София поздоровалась с ними. Дафни улыбнулась. Поговорив с Гектором, Терри и его жена в обнимку удалились, приветствуя на ходу тех, кого знали.

Кто-то захлопал в ладоши, призывая собравшихся снова сесть за столы. Гектор попросил Софию сесть за его стол. Никаких карточек с именами тут не было, но гости, кажется, прекрасно знали, где кто должен сидеть. София увидела свободный стул и присела.

Рядом с ней оказался мужчина неприступного вида в костюме и при галстукке – худощавый, с короткой стрижкой. На нем были очки в золотой оправе, и держался он как-то натянуто. Он представился как Эрнст Лундваль и затем сидел молча, пока молчание не стало невыносимым – вероятно, в конце концов он сам это понял.

– А вы давно знакомы с Гектором? – спросил он.

София рассказала о несчастном случае, о котором Эрнст хорошо знал, и о том, как они познакомились в больнице. Затем задала тот же вопрос ему.

– Я помогаю издательству Гектора в правовых вопросах. Я юрист и адвокат, занимаюсь авторским правом.

Голос у него был гнусавый и невыразительный.

Ужин стал для Софии испытанием. Эрнст Лундваль отвечал на ее вопросы коротко, сам ни о чем не спрашивал и разговор не поддерживал. Он даже не пытался проявить воспитанность и вести себя, как подобает в такой ситуации. Мужчина, сидевший по другую руку от нее, не мог спасти положение – он не говорил ни по-шведски, ни по-английски. В конце концов София сдалась и продолжала есть в полном молчании.

Иногда она поглядывала на Гектора, который увлеченно беседовал с сестрой, сидевшей рядом с ним. С другой стороны от него сидела красивая женщина лет тридцати. Встретившись взглядом с Софией, она поспешно отвела глаза. София поймала себя на том, что пристально смотрит на нее.

Гости иногда выходили покурить. Она воспользовалась этим, извинилась перед Эрнстом и вышла.

Стоя одна у входа в ресторан, она закурила. После нескольких бокалов шампанского у нее слегка кружилась голова, и сигарета показалась ей очень приятной на вкус. Позади нее открылась дверь, и вышел Арон в сопровождении двоих мужчин.

– Привет, София!

– Привет, Арон.

Он огляделся. Один мужчина пошел направо по улице, другой налево. Арон обернулся к ней:

– Могу я попросить тебя зайти внутрь?

София удивилась, но он держался так, словно его просьба была совершенно естественной.

– Да, конечно.

На улице появилась машина. Мужчина, ушедший направо, замахал Арону, и тот вышел на проезжую часть. Машина приближалась. София вернулась в зал.

Пока она выходила покурить, на вечеринке воцарился полный хаос. Все пересели на другие места и теперь разговаривали за чашечкой кофе с ликером. На ее стуле за столом Гектора уже сидел кто-то другой. София нашла свободный стул за другим столом. Вскоре появился Эрнст Лундваль и плюхнулся рядом с ней.

– Они заняли наши места!

Он был явно возмущен произошедшим.

Снова открылась входная дверь, и вошел накачанный мужчина с короткой стрижкой. Он быстро окинул взглядом зал. За ним появился пожилой хорошо одетый человек с седыми волосами и загорелым лицом, а последним вошел Арон, который запер за собой дверь. Гектор поднялся со своего места – вид у него был удивленный, почти растроганный. Пожилой мужчина подошел к нему, и они обнялись.

– Гусман эль Буэно! – выкрикнул кто-то, и все собравшиеся захлопали в ладоши.

Гектор обменялся несколькими фразами с отцом, София видела, как отец похлопал его по щеке. Официантка помогла Адальберто Гусману снять плащ, начали передвигать стулья, кто-то пересел, и Адальберто уселся рядом с сыном. Они немедленно углубились в беседу, при этом отец не выпускал руки сына.

Эрнст Лундваль тем временем напился и стал более разговорчив: принялся рассказывать Софии, какую музыку он любил слушать в молодости и какую предпочитает теперь. София пыталась проявлять интерес, но ее взгляд невольно устремлялся к Гектору и его отцу – в их фигурах было что-то радостное и притягательное.

– Простите. – Она поднялась.

Он не услышал ее слов, продолжая что-то долдонить про свою никому не интересную молодость.

– Это мой отец, Адальберто Гусман.

София поздоровалась, а Гектор тем временем по-испански рассказывал отцу о Софии. Адальберто взял ее за руку и не выпускал, глядя ей в глаза, пока сын говорил.

Затем Гектор поднялся и предложил Софии руку. Они пошли по кругу, Гектор представлял ее своей разношерстной компании, и у нее возникло чувство, что этот проход по ресторану под руку с Гектором создает впечатление, будто они пара, что он хочет показать ее своим друзьям. Высвободив руку, София вернулась на свое место, с удовольствием отметив, что Эрнста Лундваля нигде не видно. Из колонок зазвучала музыка, гости встали и начали танцевать. Через некоторое время подошел Гектор и сел рядом:

– Ты боишься меня?

Она покачала головой. Он посмотрел на танцующих.

– Я ничего не имел в виду, когда представлял тебя своим друзьям.

– Ну и хорошо, – ответила София.

Он взял ее руку в свою:

– Ты не возражаешь?

Она улыбнулась.

Так они и сидели, держась за руки, наблюдая за танцующими. У Гектора была большая и горячая рука, в которой приятно было ощущать свою.

Около двух часов ночи гости начали расходиться, и полчаса спустя музыка зазвучала тише. В зале оставалось человек десять, в основном они собрались вокруг одного стола. Гектор, Адальберто, Инес, Арон и Лежек – тот парень с короткой стрижкой, который прибыл вместе с Адальберто, а также Терри и Дафни. Рядом с Гектором оказалась та красивая женщина. София сидела рядом с Ароном, разговаривая с ним о пустяках. Затем он заговорил со стриженным поляком Лежеком. София оглядела собравшихся за столом, ее взгляд остановился на Инес. Та выглядела как ребенок, обидевшийся на отца, а Адальберто разговаривал с ней с мученическим выражением лица, словно изо всех сил старался порадовать дочь, но тщетно. Терри и Дафни сидели, слившись друг с другом. София перевела взгляд на Гектора. Он не разговаривал с женщиной, сидевшей рядом с ним; за весь вечер он перекинулся с ней лишь парой фраз. София поймала себя на том, что снова разглядывает ее. В женщине чувствовалась внутренняя гордость – холодная красота, немного печальная. Казалось, она грустна и погружена в себя. Однако было что-то величественное во всей ее фигуре – слово «красивая» не могло передать всей сути. София почувствовала укол зависти.

Чуть позднее она увидела эту женщину в дамском туалете – вероятно, та пошла вслед за

ней. Они стояли рядом, разглядывая себя в зеркале над раковиной. Женщина подвела губы.

– Меня зовут Соня, – негромко проговорила она.

– София.

Соня повернулась и вышла из туалета.

Вернувшись в зал, София обнаружила, что там опять танцуют. Все, кто только что сидел за столом, теперь танцевали с утроенной энергией. Молодой официант подошел к ней с подносом – на подносе лежали белые таблетки.

– Угощайся, – произнес Гектор у нее за спиной.

– Что это такое?

– Экстази. Я принимаю такую таблетку на каждый свой день рождения с тех пор, как мне стукнуло тридцать. Не бойся, ты не умрешь от нее.

Она поколебалась, посмотрела на оживленных гостей, снова на Гектора:

– Ты уже принял таблетку?

Он кивнул:

– Только что.

– Ты что-нибудь чувствуешь?

Он посмотрел куда-то вдаль, словно оценивая свои чувства, пытаясь понять, появилось ли в них что-то новое.

– По-моему, она еще не подействовала. Хотя... не знаю, – проговорил он и широко улыбнулся.

София обнаружила, что ей безумно нравится танцевать, что невзрачный ресторанчик на самом деле – одно из самых прекрасных мест на земле, такой совершенный и стильный. Время текло теперь каким-то странным образом, вдруг все снова оказались за столом – музыка опять звучала тише, создавая изысканный фон.

София огляделась. Остальные, сидевшие за столом, разговаривали и смеялись, курили и пили. Казалось, каждая тема протягивалась ниточкой к чему-то большому. Инес пригнулась к ней, пытаясь поговорить. Гектор переводил как мог, однако они с Инес то и дело начинали над чем-то смеяться, глядя друг на друга. Соня не смеялась, лишь улыбалась легкой улыбкой, которая придавала ее красивому лицу новое выражение – словно ей на некоторое время все начало нравиться, словно она решила насладиться моментом. Гектор вел себя с мальчишеской растерянностью – ему было весело, она это видела. Всем было весело. Адальберто впал в детство – непрерывно говорил что-то по-испански, чего никто, кажется, не понимал, однако все смеялись. Дафни и Терри еще теснее прижались друг к другу, сидели, крепко обнявшись. Софии казалось в тот момент, что весь мир совершенен и прекрасен.

Около половины четвертого она вышла из ресторана, ей не хотелось уходить, но вечеринке не было видно конца.

Гектор проводил ее до такси, открыл дверь.

– Спасибо, – сказала она.

– Тебе спасибо.

София чуть подалась вперед, давая ему себя поцеловать. Его губы оказались мягче, чем она могла представить. Однако он держался очень осторожно и тут же оторвался от нее.

Приехав домой, София не могла заснуть. Села на веранде, прислушиваясь к пению птиц, вдыхала сказочные запахи раннего утра и наслаждалась красотой, окружавшей ее. Глубокий

зеленый цвет газона, пышные кроны деревьев, совершенство всей картины. Она знала, что это состояние вызвано наркотиком, однако не испытывала ни малейших угрызений совести.

София спросила себя, почему вдруг позволила себе отпустить тормоза и с внутренней улыбкой нарушить так много границ. Что произошло с ней в последнее время?

Ларс стоял, прислонившись к стене. Он смотрел на Эрика, который сидел, положив ноги на выдвинутый ящик стола, и ковырял в ухе карандашом. Эва Кастро-Невес слегка поворачивалась туда-сюда на своем вращающемся стуле, а Гунилла, нацепив очки, изучала какую-то бумагу. Наконец она дочитала бумагу, сняла очки и оставила их висеть на шнурке на шее.

– Начни ты, Ларс.

Ларс заерзал, словно искал дыру, в которую можно было бы скрыться. Когда его просили выступить перед другими, он всегда испытывал страх. Он искал внутри себя спасательный круг, который выручил бы его в этой ситуации, – агрессию, пустоту или что-нибудь еще. Нашупав подходящий имидж, он подключил его и начал довольно ровным голосом рассказывать о том, как София столкнулась с Гектором в универмаге «НК» и как накануне вечером она отправилась на банкет в ресторан «Трастен» в Васастане.

– Но все это я описал в своих отчетах.

Гунилла взяла слово:

– У Софии с Гектором роман, теперь нам это известно. Будущее покажет, что у них за отношения. Ларс, расскажи о банкете.

Он откашлялся, не зная, куда деть руки: они висели как-то странно, и ноги никак не могли прийти в расслабленное положение.

– Я не заметил ничего необычного, помимо двух телохранителей, которые стояли на охране у ресторана после того, как туда зашел пожилой мужчина – по всей видимости, отец Гектора. В три часа двадцать восемь минут София села в такси: с большой вероятностью – чтобы ехать домой.

– Спасибо, – сказала Гунилла и кивнула Эве.

– Я сфотографировал других гостей, когда они покидали ресторан, – добавил Ларс. – Фотографии немного нечеткие, но, может быть, ты захочешь взглянуть на них, Эва?

Голос Ларса звучал чуть фальцетом, и ему это не нравилось.

– Отлично. Дай фотографии Эве, – сказала начальница.

Ларс почесал в затылке.

Эва вернулась к своим бумагам, заглянула в них, перелистала несколько страниц:

– София Бринкман, урожденная Лантц, живет вполне благополучной жизнью – видимо, на наследство, полученное от мужа; иногда общается с подругами и изредка с матерью. Ее прошлое практически безупречно. Окончила школу, оценки выше среднего, год проучилась по обмену в США, после окончания гимназии несколько месяцев путешествовала с подругой по Азии, затем поработала в нескольких местах и поступила учиться на медсестру. Повстречалась с Давидом Бринкманом, два года спустя родила сына Альберта, они поженились, переехали из квартиры в Стокгольме на виллу в Стоксунде. После смерти Давида в две тысячи третьем году она продала виллу и купила небольшой домик в том же районе, где проживает вдвоем с сыном.

Эва остановилась, перелистала свои бумаги и продолжила рассказ:

– Сын Альберт – ее единственный близкий человек. Создается впечатление, что у нее

нет хобби или каких-то особых интересов. Ее социальные связи трудно поддаются анализу: мы не знаем ее друзей, кроме подруги Клары, – той женщины, с которой она ходила в ресторан, когда ты следил за ними, Ларс. У меня пока все.

Снова заговорила Гунилла:

– Она и раньше была такой, до того, как мы ею занялись? Ходила по ресторанам с мужчинами? Или была скорбящей вдовой – и Гектор первый, кто заставил ее выбраться из панциря на свет божий?

– Пожалуй, что так, – ответила Эва.

– А именно?

– Что Гектор первый.

– Почему ты так думаешь? – уточнила начальница.

– Ничто не указывает на то, что она встречалась с мужчинами после смерти мужа, но я буду копать дальше.

– Эрик, что ты думаешь? – спросила Гунилла.

– На мой взгляд, это совершенно неинтересно. Вопрос в том, понравилась ли она нашему испанцу – в этом случае она будет выполнять важную функцию. В остальном вопрос лишен смысла.

В комнате наступила тишина, словно все, кроме Ларса, погрузились в свои мысли. Он смотрел на них, и его не покидало чувство, что он внезапно остался один. Гунилла очнулась первой:

– Ларс, ты можешь меня подвезти?

Они ехали в потоке машин, типичном для середины дня. Гунилла сидела на переднем сиденье и подправляла макияж.

– Что скажешь? – спросила она, сжимая только что покрашенные губы.

– Не знаю.

Гунилла закрыла помаду крышечкой и положила обратно в сумочку.

– Мне нужно твое мнение, Ларс. Не рассуждение или аргументация, а только твое мнение.

Он думал изо всех сил, пока они стояли позади автобуса на Стюрегатан.

– Все слишком зыбко, – ответил он.

– Так и есть. Все обычно бывает очень зыбко – чаще всего у нас ничего нет. В данном случае все скорее наоборот – у нас предостаточно материала.

Ларс кивнул:

– Ты наверняка права.

Ему приходилось все время смотреть вперед – движение было оживленным.

– Тебе необязательно со мной соглашаться, – проговорила Гунилла.

Ларс почему-то закашлялся. Ему так хотелось, чтобы она почувствовала, что на него можно положиться.

– Мне кажется, я способен на большее, Гунилла.

– Что ты имеешь в виду?

– Я могу заниматься не только наружным наблюдением. Ведь я аналитик, я многое мог бы привнести в работу группы, как мне кажется. Мы говорили об этом, когда ты предложила мне перейти к вам.

Гунилла показала, где ее высадить.

– Ты очень важен для группы, Ларс. Исключительно важен. Я хочу подключить тебя к основной работе, но чтобы это произошло, нам нужно от чего-то отталкиваться. А добыть это что-то можешь только ты. Я беру на себя все полноту ответственности, если что-то выйдет не так, но сейчас мы должны выйти на новый уровень... новый уровень наблюдения. Ты понимаешь меня?

– Думаю, я понял.

Ларс нашел «карман», заехал в него и остановился.

– Мы на верном пути, – продолжала она. – Не сомневайся в этом. Просто сделай все, что в твоей власти, чтобы продвинуться еще на шаг. – Гунилла закрыла сумочку. – Я пошлю тебе номер. По нему ты найдешь человека по имени Андерс. Он поможет тебе. Андерс отличный специалист.

Гунилла погладила его по рукаву, открыла дверцу и вышла из машины.

Ларс сидел неподвижно, мысли кружились в голове – он испытывал чувство легкой эйфории от того, что начальница только что сказала о нем и его ценности. Однако на душе остался какой-то неприятный осадок – впрочем, он был там всегда. Главное, чтобы Гунилла не разочаровалась в нем. Он сделает все, чтобы ее мнение о нем оставалось прежним.

Ларс снова вырулил на улицу. Телефон звякнул, и на дисплее возник вопрос, хочет ли он сохранить новый контакт: «Андерс».

На море вздымались высокие волны, Йенса обдавало каскадами воды. Он стоял на носу корабля, глядя на плоский берег вдаль. Голландия.

Внезапно двигатели корабля смолкли, гудение и постукивание пронеслись по корпусу, когда штурман дал задний ход. Поначалу это даже не ощущалось – большой корабль двигался вперед с прежней скоростью. Нужно время, чтобы остановить судно такого размера. Йенс огляделся, пытаясь понять, почему капитан принял решение об остановке на таком расстоянии от берега.

На горизонте он заметил большую открытую моторную лодку, которая приближалась к кораблю, подпрыгивая на волнах. Прищурившись, Йенс изо всех сил старался разглядеть хоть какие-нибудь признаки, объяснявшие, что это за лодка и кто ее ведет. Так ничего и не разглядев, он покинул свое место на носу, прошел по палубе до железной лестницы, ведущей на капитанский мостик.

Йенс распахнул дверь. Штурман и капитан увлеченно играли в нарды, попивая чай и покуривая омерзительно пахнущие сигареты.

– К нам приближается лодка.

Капитан кивнул.

– Таможня? Полиция?

Капитан покачал головой.

– Пассажир, – спокойно проговорил он и сделал еще глоток из своей чашки.

Йенс занервничал – видимо, это было по нему заметно, потому что капитан повернулся к штурману, что-то произнес по-вьетнамски, и оба расхохотались.

Когда лодка причалила к борту корабля, все пришло в движение. Спустили трап, и по нему на борт поднялись двое мужчин – один коротко стриженный, с накачанными мускулами, второй темноволосый, в темной куртке до талии. Стриженный нес в руке спортивную сумку. Пока моторная лодка отчаливала и снова брала курс на берег, один из мужчин отправился на капитанский мостик. Другой, стриженный, ждал на палубе.

Со своего места Йенс мог наблюдать за ними – видел, как один из них разговаривал с капитаном, который заискивал и отчаянно жестикулировал, словно раскаиваясь в чем-то и пытаясь оправдаться. Разговор был коротким, мужчина вышел оттуда на металлический трап.

– Лежек! – крикнул он второму и жестом показал, чтобы тот шел на нос корабля.

Лежек кивнул и исчез из виду.

Двигатели снова заработали, и корабль лег на прежний курс, двинувшись, рассекая волны, вперед, к Роттердаму. Йенс спустился в трюм.

Капитан запретил ему находиться в трюме во время поездки, но он и не собирался спрашивать у него разрешения.

Йенс взломал два контейнера, собрал оружие и переложил в два небольших ящика, которые легко было бы перенести в фургон, заказанный прямо на причал. В цену, заплаченную Йенсом за перевозку груза через Атлантику, входило условие, что таможня не будет делать выборочных проверок в первый час пребывания в порту. Йенс хотел, чтобы все прошло как по маслу – он намеревался как можно скорее покинуть судно и исчезнуть.

Несколько часов спустя судно вошло в порт. Йенс сидел на крыше капитанского мостика, пил плохой кофе и курил сигарету. Море было спокойное, солнце светило сквозь дымку. Он услышал вдалеке звуки сигнальных сирен, а затем стал отчетливо виден и сам порт Роттердам – огромный, здесь все было гигантское: краны, контейнеры, чудовищных размеров корабли, стоявшие у исполинских причалов. Йенс почувствовал себя ничтожным червяком, пока они пробирались среди всех этих гигантов.

Через час судно пришвартовалось бортом к каменному причалу в отделенном уголке порта. Со своего места на мостике капитан открыл грузовой трюм, над судном наклонились краны, и грузчики принялись крепить ремни и тросы вокруг контейнеров, которые стали медленно выгружать на сушу.

Как раз в тот момент, когда Йенс начал ломать голову, где же заказанный им фургон, на причале появилась машина и остановилась рядом с кораблем. Йенс понимал, что это не его машина – она была слишком маленькая. Из нее вышли трое мужчин. Один высокого роста и широкоплечий, другие немного поменьше. Решительными шагами они направились к кораблю и поднялись по трапу на палубу. Йенс следил за ними взглядом со своего места на крыше. Самый большой из троих взошел на капитанский мостик, двое других остались внизу.

Йенс отставил чашку, спустился по трапу и прошел по палубе мимо двух мужчин. Он поздоровался – так, как это делают в гольф-клубе, а не на контрабандистском вьетнамском корабле. Ни один из них не ответил. Проходя мимо, Йенс успел разглядеть их. Вблизи они казались изможденными, худыми, с ввалившимися глазами и покрытой шрамами кожей. Так выглядят наркоманы.

В тот момент, когда Йенс поставил ногу на трап, ведущий в трюм, у него за спиной раздался голос одного из мужчин:

– Михаил!

Затем вдали раздались один за другим три выстрела. Йенсу показалось, что он услышал где-то за спиной крик, и в следующую долю секунды раздался свист вместе с глухим характерным звуком, который бывает, когда что-то маленькое на большой скорости впивается в мясо. Он инстинктивно слетел по трапу в трюм. В течение последующих секунд на борту царил полная тишина, словно выстрелы отменили все остальные звуки во вселенной. Поднявшись на пару ступенек, Йенс осторожно выглянул наружу. Один из

мужчин, с которым он только что поздоровался, лежал в нескольких метрах от него в странной позе – судя по всему, он был мертв. Йенс разглядел у него под курткой пистолет. Против солнца он увидел фигуру Лежека. Тот стоял на коленях на площадке над капитанским мостиком и следил в оптический прицел ружья за вторым мужчиной, бежавшим по палубе. Затем стрелок сделал четыре выстрела подряд. Убегавший от него человек едва успел спрятаться за стеной под капитанским мостиком – пули срикошетили от металла.

Сердце Йенса отчаянно билось. Он видел, как Лежек закинул ружье за плечо, быстро слетел вниз по трапу и исчез. Внезапно послышались еще два выстрела. Они донеслись с капитанского мостика – похоже, стреляли из пистолета. Йенс увидел, как открылась дверь и человек по имени Михаил появился с дымящимся пистолетом в руках. Он крикнул что-то второму, находившемуся на палубе. Они обменялись короткими фразами по-русски. Михаил стал спускаться по трапу – казалось, он никуда не торопится. Затем оба удалились в сторону кормы. Йенс подобрался к мертвому, приподнял полу его куртки, схватил пистолет и пополз задом наперед обратно в трюм, торопясь укрыться в темноте.

Трюм был огромный, сырой и холодный, загроможденный контейнерами, ящиками и холодильниками. Впереди Йенс различил семь больших контейнеров, поставленных друг на друга, – один из них висел в воздухе прямо перед его носом. Когда началась перестрелка, краны замерли, вся работа прекратилась. Йенс нашел укромное место, отдышался, постарался собраться с мыслями. Но как бы он ни напрягал мозги, все время приходил к одному результату – группа Михаила и группа Лежека, стрелявшие друг в друга, знают, кто он, и, скорее всего, воспримут его как врага. Он посмотрел на оружие, зажатое в руке, – это был русский пистолет-пулемет «бизон».

Внезапно почувствовав себя безгранично одиноким, Йенс стал нервно поигрывать предохранителем. Предохранитель щелкал, когда он нажимал на него большим пальцем. Осознав, что этот звук разносится достаточно далеко, Йенс тут же перестал. С палубы больше не доносилось выстрелов. Он тихонько поднялся и стал пробираться между ящиками.

Внезапно из ниоткуда ударил залп – пули веером вонзились в деревянный ящик рядом с ним. Йенс бросился на землю и, не размышляя, приподнялся, выкинул вперед руку с оружием и нажал курок. Пистолет щелкнул, ничего не произошло.

Проклиная все на свете, Йенс присел и изменил положение предохранителя, который раньше теребил пальцем. Он втянул в себя воздух, понимая, что упустил свой шанс, – теперь стрелок знает его местоположение. Он поднялся, пробежал по открытому месту и кинулся в заднюю часть корабля, где спрятался за каким-то холодильником. Задыхаясь, Йенс изо всех сил вслушивался – и в конце концов у него начались галлюцинации. Он осторожно выглянул наружу, ничего не увидел, как раз собирался вылезти и бежать, когда незнакомый голос у него за спиной произнес по-английски:

– Бросай оружие!

Йенс заколебался, но мужчина повторил приказ, и он бросил свой «бизон» на землю.

– Сколько вас? – спросил голос.

– Я один.

– Кто ты?

– Пассажир.

– Почему вооружен?

– Забрал оружие у трупа на палубе для самообороны.

– Ты видел тех, кто вошел на борт? – спросил мужчина.

– Да.

– Сколько их было?

– Трое. Одного убили, второй поднялся на мостик, третий присоединился к нему. Мне кажется, они пошли назад, на корму.

Йенс чуть слышно выругался по-шведски, затем снова заговорил по-английски:

– Кто в меня стрелял? Ты?

Неожиданно мужчина ответил ему по-шведски:

– Нет, не я. В тебя стреляли другие, не мы.

Что-то зашевелилось в открытой части трюма. Йенс посмотрел туда, потом обернулся к мужчине. Тот исчез. Йенс поспешно снова схватил свой пистолет.

Человека, которому Ларс должен был позвонить по заданию Гуниллы, звали Андерс Аск. Он оказался мужчиной добродушным и веселым, его манера говорить вскоре начала действовать Ларсу на нервы. Они встретились в городе и поехали дальше в Дандерюд.

Удобно устроившись на переднем сиденье машины, Андерс оглядел микрофоны:

– А кто же такой Ларс?

Ларс бросил на собеседника короткий взгляд:

– Ну что тебе сказать? Ничего особенного.

Андерс держал перед собой один из микрофонов, разглядывая его.

– Ах ты черт, какие маленькие! – пробормотал он.

Улыбнувшись этому факту, он засунул микрофоны обратно в пенопластовые углубления.

– А чем ты занимался раньше?

– Западный округ, – сказал Ларс.

– Криминальная полиция?

Ларс посмотрел на Андерса:

– Не-а...

– Нет?

Андерс ждал продолжения, глядя на него с недоверчивой улыбкой.

Ларс сел прямо, наморщил лоб.

– Общественный порядок, – глухо ответил он.

Аск рассмеялся:

– Так ты работал в полиции общественного порядка? Вот это да! Давненько не случилось мне сидеть с такими в одной машине. Как тебе удалось попасть к Гунилле?

– Она позвонила и сама предложила мне работу.

– Сочиняешь? – переспросил Андерс.

Ларс покачал головой, задетый поведением спутника, которое никак не мог верно истолковать. Андерс поставил коробку с микрофонами на торпеду перед Ларсом. Тот убрал ее, положил себе на колени.

– А ты сам? Ты-то кто? – спросил он.

– Я Андерс.

– А кто такой Андерс?

Андерс Аск посмотрел в окно долгим взглядом:

– Тебе незачем знать.

Около часу дня Ларс Винге стоял на террасе, примыкавшей сзади к дому Софии, и наблюдал за тем, как Андерс вскрывает отмычкой дверь. Этот парень не привык стесняться.

– Двери террас – как толстые девки. – Андерс улыбнулся своему сравнению.

Дверь открылась. Ларс нервничал. Андерс шумел, ничего не опасаясь. Он заметил нервозность Ларса.

– Что, струсил, мальчишка?

Он указал рукой, что Ларс может войти в дом:

– Добро пожаловать домой, дорогой!

На них были бахилы и латексные перчатки. Ларс стоял посреди гостиной, ощущая спазм

и неприятное покалывание в животе. Ему хотелось поскорее уйти. Андерс же был само спокойствие, да еще и имел дурную привычку насвистывать во время работы.

– Держись подальше от окон, – сказал он и, открыв сумку, начал рыться в ней. – Где у тебя микрофоны?

Ларсу все это не нравилось. Достав из кармана маленькую деревянную коробочку, он протянул ее Аску, который тут же вставил в ухо наушник, включил приемное устройство и стал проверять звук.

Винге оглядел дом. Гостиная – широкая и просторная – оказалась больше, чем ему представлялось, когда он сидел снаружи. Она переходила в кухню – два помещения разделяла лишь разница уровней в одну ступеньку.

Достав цифровую камеру, Ларс сделал множество снимков комнаты. Меблировка смешанная, выдержанная в стиле, с которым он никогда раньше не сталкивался, однако все прекрасно сочеталось. Низкое розовое кресло рядом с большим диваном, украшенным яркими цветными подушками... и тут же старинный деревянный стул со светло-коричневым сиденьем. Одно должно было бы противоречить другому, но вместо этого возникало ощущение гармонии. Стена позади дивана плотно увешана картинами на разнообразные сюжеты, однако общее впечатление очень приятное. Здесь и там виднелись ухоженные горшечные растения. Комната обставлена со вкусом и с умом, каждая деталь продумана, несмотря на изобилие. Цвета и формы придавали дому общий теплый тон. Возникало чувство, что здесь хочется остаться подольше... На полке теснились фотографии в рамках. На них был изображен сын Софии Альберт – с детских лет и до подростковых прыщей. Здесь же стоял черно-белый портрет уважаемого мужчины. Ларс заметил сходство с Софией в форме лба и разрезе глаз – судя по всему, это ее отец. Его взгляд рассеянно скользнул по другим снимкам – вот мужчина лет тридцати, муж Софии Давид, стоящий позади маленького мальчика, Альберта. Затем – снимок всей семьи: София, Давид, маленький Альберт и собака, золотистый лабрадор. Все стоят рядом, глядя в объектив.

Андерс, сидя на корточках возле дивана, с треском отмотал скотч от рулона. Ларс продолжал рассматривать фотографии. Смеющаяся София на веранде, в белом кресле – снимок недавний, сделан года два назад. Она закутана в плед, колени подтянуты к подбородку. Ее смех заражал, словно был обращен к нему. Ларс надолго задержался у этой фотографии. Перевел фотоаппарат в режим «макро», поднес объектив совсем близко, несколько раз нажал на спуск, пытаясь переснять фото на веранде.

Андерс обратился к Ларсу – указал пальцем на торшер возле дивана, потом на свое ухо. Затем вышел в кухню, что-то напевая себе под нос.

Ларс продолжал разглядывать гостиную. Хотелось бы ему, чтобы Сара обладала таким вкусом, таким чувством сочетаемости внешне несочетаемых вещей, а не тем богемным подходом, из-за которого все в конце концов оказывалось индийским, дешевым и каким-то неуклюжим.

На диване лежал свернутый плед. Ларс взял его в руки и потрогал. Плед оказался очень мягким на ощупь. Даже не успев подумать, что делает, он поднес его к лицу, понюхал.

– Так ты к тому же еще и фетишист?

Ларс обернулся. Андерс стоял посреди гостиной, уставившись на него. Ларс положил плед обратно на диван.

– Чего ты добиваешься? – спросил он, пытаясь смотреть на него сердитым взглядом.

Андерс хохотнул. Смех перешел в кривую ухмылку, выражающую явное пренебрежение.

– Похоже, у тебя совсем напряженка с мозгами, – пробормотал он.

Ларс посмотрел ему вслед, когда тот пошел вверх по скрипящей деревянной лестнице. Сам он спустился на одну ступеньку вниз и перешел из гостиной в кухню. Здесь тоже чисто и прибрано. Ларс отметил большую вазу с цветами на окне, высокую тумбу с грубой столешницей посреди кухни... и темно-зеленую дверь, ведущую в кладовку. Он и не подозревал, что существует темно-зеленая краска такого оттенка. Раньше ему просто не приходило в голову, что в кухне разрешено иметь такую красивую дверь. Человек, который мог так обставить кухню, многое понимал в жизни. Ларс почувствовал, как все его органы чувств активизировались, тысячи мыслей и ощущений пронеслись сквозь него. Оставалось еще так много всякого, о чем Ларс Винге понятия не имел. Теперь он это осознал, и ему захотелось узнать. Хорошо бы хозяйка дома рассказала ему об этом...

Он поднялся по лестнице, стараясь не скрипеть ступенями. Андерс сидел на корточках возле ночного столика в спальне Софии. Ларс прислонился к косяку.

– Мы уже можем идти? – шепотом спросил он.

– Ты всегда такой зануда?

Аск еще раз проверил свою работу, поднялся и прошел мимо, толкнув Ларса плечом, после чего удалился вниз по лестнице, слишком громко топая.

Ларс остался стоять в дверях, оглядывая спальню. Большая двуспальная кровать, застеленная покрывалом. На ночном столике, где Андерс только что установил микрофон, стояла красивая чугунная лампа. Ковровое покрытие на полу, светлые стены, несколько картин – в основном в темных рамках. Разнообразные мотивы – большая одинокая бабочка, женское лицо, нарисованное углем на листе светло-коричневой бумаги, одна картина без рамы – нагромождение мазков глубокого красного цвета, наводящее на мысль о том, чего нет. Затем – картина маслом, изображающая большое живое дерево. Все прекрасно сочеталось. Ларс силился понять, как это возможно.

В глубине спальни он заметил двойную дверь цвета слоновой кости. Войдя в комнату и ступив на мягкий ковер, подошел и медленно открыл одну из дверей. Внутри оказался большой встроенный шкаф – почти как целая комната. Ларс нащупал выключатель. Теплый свет залил помещение.

Блузки и платья, висящие на деревянных вешалках. Под одеждой виднелись ящики – новые, из дуба. Ларс открыл один – украшения и часы. Открыл тот, который под ним: аккуратно сложенные платки, шали и еще украшения. Он наклонился и заглянул в третий ящик – там хранились трусики и лифчики. Этот ящик Ларс было поспешно закрыл, но тут же снова открыл, чувствуя, что уже давно нарушил все этические нормы, так что теперь уже все равно, можно продолжать.

Запустив руку в ящик, Ларс потрогал белье. Оно было шелковое и такое мягкое – он не мог оторваться от него, почувствовав волну возбуждения. Ему захотелось взять с собой ее трусики – носить их в кармане, чтобы в любой момент можно было дотронуться до них. Звук, донесшийся с первого этажа, вернул его к реальности. Он закрыл ящик, вышел из гардеробной и из спальни.

За дверью Ларс сделал несколько глубоких вдохов и направился к комнате Альберта. Приоткрыл дверь, заглянул внутрь. Это была типичная комната мальчика, который еще сам не разобрался, ребенок он или уже взрослый. Картина с недетским сюжетом, черно-желтый вымпел на стене со слоганом «Мы везде». Электрогитара с тремя струнами, прислоненная к письменному столу, пустой мешок из-под сладостей на полу. Небрежно прибранная кровать

– не застеленная, но одеяло, по крайней мере, лежало ровно. Под кроватью Ларс заметил старый телескоп без штатива. Наклонился, разглядел в глубине книги и черный футляр от гитары.

Он сделал несколько снимков, посмотрел на часы – несмотря ни на что, время пронеслось быстрее, чем можно было подумать. Покинув комнату, направился к лестнице, однако, проходя мимо комнаты Софии, поддался искушению – снова вошел в спальню, открыл шкаф, залез в третий ящик, схватил пару трусиков и засунул в карман. Задвинул ящик, закрыл шкаф и снова вышел в холл.

Андерс сидел за компьютером в комнате, выполнявшей роль кабинета.

– Время идет. – Ларс остановился в дверях.

– Заткнись, – буркнул Андерс, не отрываясь от экрана и продолжая стучать по клавишам.

– Андерс!

Тот посмотрел на него:

– Заткнись, я сказал! Пройдись еще раз по дому, делай что хочешь, только исчезни с глаз долой.

Он снова принялся стучать на клавиатуре. Ларс хотел еще что-то сказать, но засомневался и ушел.

Он сделал круг, оглядел пол в кухне, чтобы убедиться, что они ничего не забыли. Кажется, все в порядке. Пятясь, он направился к двери веранды, через которую они вошли. Дыхание было поверхностным, кровь стучала в висках, пот струился со лба. Из кабинета появился Андерс:

– Я только схожу в сортир, и валим отсюда.

– Нет, пожалуйста, нет! – тихо пробормотал Ларс.

Аск усмехнулся, видя нервозность Винге, взял с журнального столика газету и скрылся в туалете, никуда не торопясь и что-то насвистывая.

Ларс спрятался в холле возле кухни, где никто не мог бы разглядеть его снаружи. Стоя возле курток и пальто, висящих на вешалке, он глубоко вздохнул, прижался лбом к стене и закрыл глаза, пытаясь успокоиться. Дыхание по-прежнему оставалось неглубоким, воздух доходил лишь до полпути в легкие. Ларс попробовал дышать через нос, но и тут получалось то же самое – вдохнуть удавалось до половины. Он был натянут, как струна. Кровь стучала в ушах, в животе тянуло, руки заledenели, во рту пересохло. Снаружи раздались звуки – шаги по лестнице. Ларс обернулся и застыл на месте. Ни одна мышца в теле не желала шевелиться, давая импульс бежать. Он просто стоял неподвижно, перепуганный, как ребенок, не в состоянии что-либо сделать. Его охватила такая паника, что казалось, он вот-вот умрет на месте.

Щелкнул замок, ручка сдвинулась вниз, дверь открылась внутрь. Ларс закрыл глаза. Когда дверь захлопнулась, он снова их открыл. Перед ним стояла незнакомая низкорослая женщина лет шестидесяти. Она поставила на пол сумку, начала расстегивать пальто. Он покосился на нее. В следующую секунду она заметила его и буквально подпрыгнула на месте. Приложив руку к груди, женщина произнесла что-то на непонятном языке, и ее страх сменился спокойствием. Она рассмеялась и быстро проговорила по-шведски, что никак не ожидала, что кто-то окажется дома.

Протянув ему руку, она представилась как Дорота. Несмотря на полное замешательство, Ларс взял ее ладонь и пожал:

– Ларс.

Услышав за спиной хихиканье, он обернулся. Андерс смеялся, прикрывая рукой лицо:

– Ты побил все рекорды!

Дорота с неуверенной улыбкой оглядела двоих мужчин, словно засомневавшись в том, кто они на самом деле.

Улыбка на лице Андерса мгновенно погасла. Подойдя к женщине, он схватил ее за руку и потащил в кухню, где толчком усадил на стул. Обернувшись, поглядел на Ларса:

– Ну так что?

Дорота задрожала от страха.

– Пошли отсюда.

Андерс посмотрел на спутника с безграничным презрением во взгляде:

– Отличная идея. Сейчас побежим. – Он повернулся к Дороте: – Ты кто такая?

Она переводила взгляд с одного на другого:

– Я тут убираюсь.

– Убираешься?

Женщина кивнула. Он кинул ей на колени ее сумочку:

– Доставай бумажник.

Дорота посмотрела на Андерса, словно не услышала его слов, потом негнуцимыми пальцами стала рыться в сумочке, достала бумажник.

Андерс взял его, вытащил удостоверение личности и посмотрел на него.

– Где ты живешь?

– В Спонге, – шепотом ответила она. Губы у нее пересохла.

Ларс взглянул на женщину – ему вдруг стало ужасно жаль ее. Андерс засунул ее удостоверение личности в карман:

– Это мы оставим себе. И запомни – ты нас не видела.

Дорота смотрела в пол.

Андерс наклонился к ней:

– Ты слышала, что я сказал?

Она молча кивнула.

Аск бросил на Ларса мрачный взгляд и двинулся к двери террасы. Ларс постоял еще минутку, глядя на женщину, которая сидела, уставившись в пол.

Андерс шел к машине, Ларс почти бежал следом за ним.

В молчании выехали они из коттеджного поселка. Ларс все время держался на грани допустимой скорости. Внезапно Андерс схватил Ларса за воротник и жестко ударил ладонью по лицу. Ларс резко затормозил, пытаясь защищаться. Андерс продолжал бить его.

– Идиот проклятый! Ты что, совсем без мозгов? – прокричал он.

Затем вдруг перестал драться, сел прямо и тяжело вздохнул.

Ларс сидел, глядя перед собой, не зная, продолжатся ли побои. Ухо горело, ноги сделались ватными.

– Что бы ты сделал, если бы я не подоспел вовремя? Рассказал ей все, как есть? Да еще и представился своим настоящим именем! Ты что, совсем не врубаешься, чем мы занимаемся?

Ларс не ответил.

– Долбаный идиот, – проворчал Андерс.

Ларс был не в состоянии придумать, как ему следует поступить. Аск посмотрел на него,

ткнул пальцем в лобовое стекло:

– Поехали!

Всю дорогу до города в машине царил тишина, Андерс молчал, Ларс страдал.

– Гунилле об этом рассказывать не будем. Все прошло хорошо, микрофоны на месте. Ты проверишь, все ли работает, когда снова приедешь сюда. Если что-то не так, я еще раз наведаюсь в дом один. А об уборщице – ни слова!

Андерс вышел у Восточного вокзала, оставив на полу машины сумку с приемником.

– Проверь его как можно скорее.

Затем он захлопнул за собой дверь и растворился в толпе.

Ларс сидел неподвижно. Страх и тягостное чувство все еще не проходили. Он даже не решался подумать о том, что только что произошло. Вместо этого он испытывал такую ненависть к Андерсу Аску, какую никогда не испытывал ни к одному человеку на земле.

Неизвестный, говоривший по-шведски, бесследно исчез. Йенс сидел в укромном месте и прислушивался, постоянно озираясь и держа пистолет наготове. Звук, который он только что слышал, доносился издалека, из открытой части трюма. В остальном было тихо. Портовые грузчики и вьетнамская команда, должно быть, убежали при первых выстрелах. Казалось, прошла целая вечность. Хотя на самом деле все произошло всего несколько минут назад, эти минуты растянулись, как эластичные ленты. Йенс ненавидел минуты. Именно минуты иногда определяли жизнь.

Он снова предался своим слуховым галлюцинациям. Услышал приближающиеся шаги, шепот, шелест ветра... Пот тек с него ручьями, адреналин гулял в крови. Рубашка прилипла к телу. Снова все его существо переполнилось внезапным и интенсивным чувством, что ему надо срочно выбираться отсюда, – чувством паники, так хорошо знакомым ему с детских лет.

В душе Йенс пытался решить, что ему делать: продолжать скрываться или принимать бой. Тут он услышал движение, и какая-то фигура задвигалась по настилу трюма чуть в стороне. Йенс инстинктивно поднял свой «бизон» к плечу и дал несколько выстрелов в тень, затем снова спрятался в укрытие. Вопрос, который он только что задавал сам себе, уже решился – он будет драться. Все пути назад отрезаны. Йенс ждал, но не слышал никаких звуков, кроме собственного пульса. Понимая, что надо сменить укрытие, он приподнялся. И тут словно включилась бензопила, когда оружие противника осыпало его градом пуль. Он упал ничком. Звук был оглушительный, пули вонзались во все вокруг. Затем последовала полная тишина. Он услышал, как в отдалении кто-то перезарядил оружие. Йенс поднялся и кинулся вперед через ящики, пробираясь наугад, ища человека, стрелявшего в него... Заметил движение чуть поодаль – чей-то бок, видневшийся из-за штабеля ящиков, потом появился весь корпус и пистолет, такой же, как у Йенса, нацеленный на него. Однако Йенс успел раньше: выпустил залп по незнакомцу, тут же спрятавшемуся за ящиками. И снова рванулся вперед. Незнакомец опять показался на долю секунды – Йенс находился в нескольких десятках метров от него, выстрелил, попал тому в плечо, мужчина откинулся назад, однако удержался на ногах и прицелился в Йенса, который находился в открытой части посреди трюма и не мог никуда спрятаться.

Два пистолета, наведенные друг на друга. Время остановилось, словно кто-то придержал пальцем секундную стрелку, управляющую движением времени во вселенной. Йенс успел увидеть наставленное на него дуло, пустые глаза мужчины. Неужели конец? Смириться с этой мыслью он не желал. В сознании не промелькнуло ни картин детства, ни

светлого образа матери, улыбающейся ему в неземном свете, – лишь ощущение темноты и пустоты перед бессмысленностью ситуации. Неужели эта мерзкая рожа прихлопнет его?

Эти мысли пронеслись в голове в те бесконечные мгновения, когда он упал на колени, не выпуская русского из прицела.

Йенс выстрелил, русский тоже.

Их пули, наверное, встретились в воздухе где-то на полпути. Он услышал свист, когда они пронеслись слева от него, и почувствовал жгучую боль, когда одна из пуль задела плечо.

Однако те три пули, которые он успел выпустить, попали в цель, поразив русского в грудь и в шею. Сонная артерия разорвалась, кровь хлынула рекой, мужчина упал, словно тряпичная кукла, уронил оружие и стукнулся головой о ящик – впрочем, он был мертв еще до того, как достиг пола.

Йенс уставился на него. Услышав за спиной шаги, обернулся, держа оружие наготове. Человек, говоривший по-шведски, навел на Йенса пистолет. Йенс держал его на прицеле.

– Опустит оружие. Я не причиню тебе зла, – спокойно произнес незнакомец.

– Сам опусти, – ответил Йенс. От адреналина, переполнявшего жилы, он сделался совершенно равнодушным.

Поколебавшись, мужчина опустил оружие. Йенс поступил так же.

– Ты ранен? – спросил мужчина, глядя на плечо Йенса.

Тот тоже взглянул на свое плечо, пощупал рану – похоже, его только задело. Он покачал головой.

– Пошли! Оставь его.

Йенс посмотрел на человека, которого только что убил. Мысли о везении и судьбе, благодарность, стыд и отвращение пронеслись в его сознании, так и не найдя там пристанища.

– Пошли! – снова сказал незнакомец по-шведски.

Йенс последовал за ним. Тут он заметил, что у мужчины на щеке укреплен микрофон, а в ухе наушник. Он тихо что-то сказал в микрофон и остановился.

– Подождем, – шепнул он.

Никакого движения нигде, ни одного звука, только ожидание. Йенс бросил взгляд на незнакомца – тот был совершенно спокоен, видимо, привычен к подобным ситуациям.

– Меня зовут Арон, – сказал он.

Йенс не ответил.

Мужчина приложил палец к наушнику, поднялся.

– Теперь все в порядке, мы можем идти наверх.

Посреди палубы, заложив руки за голову, стоял на коленях Михаил, позади него – Лежек, держащий в руках «НК G36»^[10] со снайперским прицелом.

Арон сделал Йенсу знак рукой, чтобы тот следовал за ним. Они прошли мимо Михаила, поднялись по трапу на капитанский мостик, где увидели застреленного штурмана, лежащего на полу в луже крови. Капитан все еще пребывал в состоянии шока – сидел бледный, забившись под стол, сжимая в руке большой разводной ключ. Поднявшись, он бросил взгляд на мертвого штурмана, а затем в окно. Когда капитан увидел Михаила, стоящего на коленях на палубе, в его глазах вспыхнула искра ненависти. Оттолкнув Йенса и Арона, он поспешил наружу, слетел по трапу и побежал по палубе. Михаил даже не успел прикрыться руками – капитан с такой силой ударил его по голове разводным ключом, что тот упал ничком.

Посмотрев на огромного русского, капитан стал бить его ключом по рукам и ногам, проклиная на своем языке. Йенс и Арон наблюдали эту сцену с капитанского мостика.

– Что ты делаешь на этом судне? – спросил Арон Йенса.

Михаил, лежавший на палубе, сжался в клубок, пытаясь закрыться.

– Я просто ехал домой из Парагвая.

– Чем ты там занимался?

– Всякими разными делами.

– Чем ты живешь?

Йенс оторвал взгляд от сцены побоев, происходившей внизу.

– Логистикой, – кратко ответил он.

– Ты что-нибудь везешь на этом корабле?

– В каком смысле?

– Я задал тебе вопрос.

Капитан продолжал лупить русского разводным ключом.

– По-моему, уже хватит, – проговорил Йенс и указал пальцем, имея в виду побоище.

Арон поначалу не понял, но потом коротко свистнул и сделал знак Лежеку. Тот оттеснил капитана, заставив его прекратить избиение. Капитан плюнул на окровавленного Михаила, неподвижно лежавшего на палубе, и пошел обратно на мостик.

На мгновение все немного расслабились. Лежек позволил себе чуть рассеять внимание, Арон намеревался повторить вопрос, который только что задал Йенсу. Михаил воспользовался случаем и с невероятной силой вскочил на ноги. Все произошло очень быстро: несмотря на переломанные кости, он пробежал короткий участок до перил и прыгнул, ему удалось перевалиться за борт. В ту же секунду Лежек выпустил по нему очередь из автомата. Михаил исчез. Йенс услышал, как тот плюхнулся в воду за бортом.

Арон и Лежек заторопились. Они подбежали к перилам, потом двинулись в разные стороны, пристально глядя на воду и переговариваясь между собой. Время от времени они выпускали выстрелы, разрывавшие поверхность воды. Поиски продолжались минут десять, затем они поняли, что продолжать это занятие бесполезно. Должно быть, русский утонул – либо от полученных им травм, либо его сразила одна из пуль.

Двигатели надсадно трудились под палубой. Судно по-прежнему стояло у причала, но все хотели поскорее убраться отсюда. Услышав перестрелку, люди разбежались. Скоро наверняка появится полиция. Роттердам – один из самых больших портов в мире. Только бы им выбраться отсюда, и они без труда спрячутся среди других судов, стоящих на рейде. Совместными усилиями они сбросили концы, державшие корабль у причала, и поспешили на борт. Грузовая рампа упала в воду, когда шхуна отошла от пристани.

Вернувшись домой, Ларс отыскал в кухонном шкафу две бутылки красного вина. Одну он выпил сразу, затем открыл вторую и заставил себя выпить еще два бокала. Его развезло, лицо горело. Стоя у окна и глядя во внутренний дворик, он стал жалеть себя и уборщицу, задаваясь вопросом, что она теперь делает. Алкоголь включил вторую передачу, не давая ему проклинать самого себя.

Солнце, светившее в окно, создавало в квартире невыносимую духоту.

Ларс стащил с себя джемпер, выпил еще вина. Пошел в гостиную, бросил джемпер на пол и налил в бокал старого коньяку, что стоял в баре в стенке. Вкус у коньяка был

отвратительный, однако Ларс заставил себя сделать несколько глотков, борясь с тошнотой. Затем улегся на диван в позе зародыша, глядя в одну точку.

Четверть часа спустя Ларс Винге словно переродился. Его охватила горечь – с кривой улыбкой думал он обо всех тех идиотах, которые встречались ему на его жизненном пути. Мама и папа, друзья детства, коллеги по работе – все, с кем ему довелось столкнуться. Андерс Аск... Он проклинал их всех, тупых инфантильных недоумков. Сам-то он не такой! Примерно так происходил мыслительный процесс в его замаринованном мозгу. Именно поэтому Ларс выпивал крайне редко – от выпивки он терял контроль над собой и становился немножко сумасшедшим. Такое происходило с ним всегда – с того самого первого раза, когда он напился, – однако сейчас Ларс думал не об этом. Он был полностью занят тем, чтобы оправдать свою внутреннюю темноту.

Через час домой вернулась Сара, бросила на него равнодушный взгляд:

– Ты что, заболел?

Он не ответил. Она зашла в кухню, вернулась назад:

– Ты выпил вино?

В ее голосе звучал упрек. Ларс лежал на диване, обняв себя за плечи.

– Ты пьян?

Он не ответил.

– Что происходит, Ларс?

Он поднялся, взял джемпер, валявшийся на полу, и натянул его.

– А тебе-то что? – Пройдя в холл, он надел ботинки и вышел из квартиры.

В ближайшем баре Ларс заказал себе водку с тоником и вскоре разговорился с подвыпившим пенсионером о том, почему в Швеции так боятся сажать людей в тюрьму. Ларс возбудился и пустился в длинные рассуждения о принудительном лечении и наказании. Скоро он потерял нить. Простые аргументы не приходили на ум, как обычно. Пенсионер и бармен расхохотались, видя его беспомощность.

Когда бар закрылся, Ларс еще долго бродил по ночному городу, едва держась на ногах. Он справил малую нужду на парковочный автомат, хихикал неизвестно над чем, строил гримасы и показывал средний палец проезжавшим машинам и прохожим. Затем наступила чернота.

Он проснулся у подъезда на улице Вольмар-Юкскюльсгатан в половине пятого, когда почтальон, разносивший утренние газеты, перешагнул через него. Ларс поднялся и медленно побрел домой, засунув руки глубоко в карманы, одновременно пьяный и похмельный. Как бревно рухнул он в постель рядом с Сарой. Та подскочила, прошипела, что от него воняет спиртом, и ушла, забрав с собой свое одеяло.

Три часа спустя Ларс проснулся от того, что утреннее солнце светило ему в лицо. Сары не было, ее половина кровати, как всегда, осталась незастеленной – он терпеть не мог эту ее манеру. Натянув одеяло на голову, попытался снова заснуть, однако на душе кошки скребли.

Дрожащими руками Ларс сделал себе кофе, выпил, пытаясь собраться с мыслями и вспомнить, кто он такой, однако ничего не нашел. Пустота. Все стерлось.

– Помоги мне, я одна не справлюсь! – крикнула София в сторону верхнего этажа, вытирая руки кухонным полотенцем.

– Иду! – раздраженно откликнулся сын.

Оглядев полотенце, София сочла, что оно слишком изношено, чтобы вешать его назад, и

выкинула его в помойное ведро.

Альберт спустился по лестнице, когда она прикрывала фольгой форму с дымящимся запеченным в сливках картофелем. Она кивнула на коробку с подарком, стоящую на столе. Рядом лежали рулон цветастой упаковочной бумаги, скотч и желтая лента. Усевшись у стола, Альберт принялся резать бумагу.

София переставила форму с плиты на столик, заторопилась, поскольку жар прошел сквозь прихватку, и форма стукнулась о подставку.

Альберт примерял бумагу к коробке:

– Кому подарок?

– Тому.

– С какой стати?

– У него день рождения.

Коробку он обернул аккуратно, а вот скотч приклеил небрежно. Испытывая легкое раздражение, мать отобрала у него скотч, переделала – и тут же пожалела, что так поступила.

До дома, где прошло детство Софии, ехать было недалеко. Толстые зеленые кроны деревьев создавали удивительное чувство уюта. Дома тонули в зелени дубов, берез и яблонь. Закатные лучи придавали всему золотистый оттенок – Софии это нравилось.

На склоне перед самой виллой им навстречу выбежала Рэт – маленькая белая собачка. Никто не знал, что это за порода – она была просто маленькая и беленькая, лаяла на все, что двигалось, и то и дело кого-то кусала.

– Задави ее, – тихо проговорил Альберт.

Оба они недолго любили собаку.

– Ты расстроилась бы, если бы Рэт умерла? – продолжал Альберт.

София молча улыбнулась.

– Нет, правда, ты расстроилась бы? – не отставал он.

София молча покачала головой, Альберт улыбнулся понимающей улыбкой.

Том готовил напитки в гостиной – под пение Синатры и аккомпанемент Жобима.

– Привет, Том!

Рот у него был забит оливками, он помахал рукой Софии, призывая ее подождать, однако ждать она не стала. Навстречу им вышла Ивонна, поцеловала Альберта в лоб, сжала руку Софии и снова исчезла. На ней, как всегда, были новые белые кроссовки. Ивонна двигалась так, словно в свои семьдесят по-прежнему считала себя исключительно привлекательной женщиной.

На ковре перед телевизором сидел парень Джейн из Аргентины по имени Хесус и что-то смотрел без звука.

– Привет, Хесус!

– Привет, София! – дружелюбно ответил он, продолжая смотреть телевизор, сидя все в той же позе портного.

Хесус оставался для нее загадкой. Трудно сказать, чем он не похож на остальных, но каждый раз, когда она пыталась докопаться, в чем причина его странной манеры держаться, выяснялось, что она ошибается. Джейн была с ним счастлива – София не понимала до конца почему, однако немного завидовала сестре. Они с Хесусом мало взаимодействовали, а когда

встречались, то улыбались друг другу. И когда Хесус возвращался после трех месяцев в Буэнос-Айресе. И когда они сталкивались в кухне после того, как София поговорила по телефону. Улыбки всегда были одинаковые – такие широкие, словно оба готовы вот-вот засмеяться.

София вышла в кухню. Джейн сидела за столом и пыталась нарезать овощи. Готовить она не умела в принципе. София поставила в духовку запеченный картофель, который привезла с собой, поцеловала сестру и села рядом с ней, наблюдая за тем, с каким трудом Джейн нарезает огурец кубиками. Кубики получались очень разными по форме и по размеру. Джейн, едва справляясь со злостью, подтолкнула разделочную доску старшей сестре, и та с готовностью принялась за дело.

– Где вы были? – спросила София.

За ужином в воскресенье обычно собирались София с Альбертом и мама Ивонна с Томом. Джейн и Хесус приезжали, когда им взбредет в голову. У них не было никакого четкого расписания, и тем радостнее было их видеть, когда они появлялись.

– Нигде, то тут, то там, – проговорила она и покачала головой. – Даже не знаю.

Джейн сидела, облокотившись рукой о стол и подперев щеку ладонью. Эта поза, кажется, действовала на нее успокаивающе. Она молча наблюдала за Софией, нарезавшей овощи.

– Посмотри на меня, – сказала она.

София повернулась к ней.

– Ты что-то с собой сделала?

– Сделала? В каком смысле?

– Со своей внешностью.

Сестра покачала головой:

– Нет. А почему ты спрашиваешь?

Джейн внимательно оглядела ее.

– У тебя совсем другой вид. Какой-то воздушный, радостный.

София пожала плечами.

– В твоей жизни произошло что-то особенное? – допытывалась Джейн.

– Да нет.

– Ты с кем-то встречаешься?

София снова покачала головой, но Джейн не сводила с нее глаз.

– Признавайся! – прошептала она.

– Ну, может быть.

– Может быть?

София подняла глаза на сестру.

– А кто он?

– Пациент. Бывший пациент, – тихо проговорила София. – Но мы встречаемся не в том смысле.

– А в каком смысле вы встречаетесь?

София улыбнулась.

– Даже не знаю...

Она пересыпала нарезанные овощи в большую салатницу. Получилось небрежно, София потянула руку, чтобы исправить, но остановилась. Ей претила та роль девочки-умницы, которую она невольно начинала исполнять в стенах этого дома. Джейн сидела все в той же

позе, наблюдая за Софией. Внезапно она буквально подскочила на месте.

– Боже мой, ведь мы ездили в Буэнос-Айрес! Просто не пойму, что на меня нашло. Я какая-то бестолковая. Мы навещали братьев и сестер Хесуса. Домой вернулись только что... В четверг.

Название дня недели она произнесла с сомнением, но потом, похоже, решила, что оно соответствует действительности. Джейн была совершенно божественной личностью. На первый взгляд могло показаться, что она играет, что-то из себя изображает – однако это не соответствовало истине. Она была просто очень разбросана – и всегда полна радости и энтузиазма. Это многих от нее отпугивало – пугливые считали ее неестественной и осуждали. Зато смелые любили ее, как могут любить только смелые люди.

Они собрались все вместе – Ивонна и Том во главе стола с двух сторон, остальные расположились между ними. Ивонна приготовила роскошный ужин – это у нее всегда отлично получалось. Трапеза прошла под тем же знаком, что и обычно, – разговоры ни о чем, смех и молчаливое сосредоточение каждого, чтобы сдерживать чувства и не дать выплеснуться какой-нибудь старой обиде или недоразумению.

После ужина София и Джейн уселись в двух плетеных креслах на веранде. Хесус удалился в библиотеку, где погрузился в какой-то англоязычный роман. Альберт сидел на втором этаже, играя в карты с Томом под звуки «Гольдберг-вариаций»^[11], которые Том включал на старом дребезжащем проигрывателе, как только предоставлялся случай.

Сидя на веранде в тепле инфракрасного обогревателя, сестры выжили и проговорили до глубокой ночи. Поначалу Ивонна пыталась подкрасться к ним – делала вид, что у нее какие-то дела, держалась возле двери, ведущей на веранду. Несколько раз им удавалось застукать ее, она лгала, отказываясь признаваться, что подслушивает. В конце концов сверху спустился Том и попросил ее оставить дочерей в покое.

Сколько София помнила, Ивонна всегда страдала повышенной нервозностью. После смерти Георга у нее обострилась истерия. Из улыбающейся домохозяйки она превратилась в суровую эгоистку, и весь привычный уклад семьи рухнул. Джейн и София оплакивали отца, но горе Ивонны стояло как бы выше их горя. У нее случались резкие перепады настроения – от озлобленности и депрессии она вдруг переходила в иное состояние и начинала требовать от дочерей любви и понимания. Джейн и София не знали, как им себя вести, их отношения с матерью изменились до неузнаваемости и строились теперь на каком-то смутном представлении о том, что за мамой надо присматривать и ухаживать. Ухудшились и отношения между сестрами. Нездоровое поведение матери встало между ними как барьер. Они редко чему-то радовались вместе, больше сидели по своим комнатам или конкурировали за материнское внимание.

Но затем в их жизни появился Том. Они переехали на его виллу в нескольких кварталах от их дома. Это была большая вилла с большими окнами и огромными картинами на гигантских стенах. В кроватях вишневого дерева лежали толстые белые перины. Том отвозил их в школу на своем зеленом «Ягуаре» со светло-коричневыми кожаными сиденьями, пахнущими табаком и мужской парфюмерией. Ивонна сидела дома и рисовала бездарные картины. Со временем она преобразилась, справилась со своим горем и снова стала почти нормальной матерью, однако никак не желала отказаться от роли жертвы, с которой так свыклась.

С годами, когда Ивонна стала стареть, София снова начала нежно относиться к ней – после очень долгого перерыва. Иногда Ивонна могла быть мудрой, человечной и

внимательной – тогда София узнавала в ней свою маму. Но зачастую та вела себя так, словно в ней вновь рвалась наружу прежняя, не до конца исследованная сторона личности, – истерия, раздражение, нездоровое любопытство, страх оказаться не у дел, боязнь потерять незримый контроль над чем-то. За несколько недель до того она зашла к Софии на чашечку чая и спросила дочь, как та себя чувствует. Вопрос возник непонятно откуда и застал Софию врасплох. Поначалу София по привычке ответила, что все в порядке – но потом увидела по глазам матери, что та спрашивает совершенно искренне. Это заставило ее остановиться и задуматься – сама не понимая отчего, она вдруг расплакалась. Ивонна обняла ее. У Софии возникло двойственное чувство – это было и приятно, и странно, однако она позволила себе эту минуту слабости в объятиях мамы, в рыданиях над чем-то, чего сама до конца не понимала. Словно отпустило какое-то внутреннее напряжение – вероятно, мама Ивонна поняла что-то, что может понять только мать. После этого София почувствовала, что на душе у нее стало гораздо легче. Больше они никогда не вспоминали об этом эпизоде.

Инфракрасный обогреватель на веранде и вино в жилах обогревали как бы с двух сторон, создавая изумительную концентрацию тепла. Они выкурили на двоих пачку сигарет, которые нашли в морозилке. Ивонна всегда прятала там сигареты для гостей, а сестры всегда их оттуда таскали. Они выкурили одну за другой все сигареты и вызвали такси, которое привезло им еще пачку и два пакетика соленой лакрицы. Том прошел мимо в пижаме и поохал по поводу того, что они выпили вино, которое он хранил много лет. Сестры расхохотались, чуть не задохнувшись от смеха. После этого они впали в сентиментальные воспоминания о детстве – запах тостов и чая в кухне на даче, дни на пляже у скалы и деликатные вопросы бабушки, укреплявшие в них веру в себя.

Затем они заговорили об отце – и тут повисла пауза. Так всегда случалось, когда разговор заходил о нем. Словно онемев, они сидели и недоумевали, почему же он так рано ушел от них. Папа Георг был добр, хорош собой и создавал ощущение спокойствия и защищенности – таким помнила его София. Иногда она задавалась вопросом, что стало бы с этим образом, если бы он продолжал жить. Георг Лантц умер в отеле в Нью-Йорке, где находился в командировке, – упал замертво, когда принимал душ. О нем у Софии сохранились лишь самые светлые воспоминания – его смех, его шутки, его заботы о дочерях. Она помнила его крупную фигуру и ту легкость, с какой он двигался: в нем был некий шарм, который она позднее замечала и у других пожилых мужчин, не пожелавших становиться с годами желчными и язвительными. Он как будто излучал желание быть счастливым – словно это был его подарок жене, дочерям и Господу Богу. София до сих пор тосковала по отцу и иногда разговаривала с ним, оставшись одна.

Алкоголь и ночь брали свое. Джейн ушла в комнату для гостей и прилегла рядом со своим Хесусом. София зашла к Альберту, спавшему на раскладушке, поправила на нем одеяло, поцеловала в лоб и решила не беспокоить.

Сев в такси, она попросила водителя провезти ее более длинной дорогой. Сидя на заднем сиденье, разглядывала виллы, проплывавшие мимо, наслаждаясь сладким состоянием опьянения и одиночеством. Ей нравился коттеджный поселок, где прошло ее детство; она знала историю многих домов, мимо которых они проезжали, – кто жил в них раньше, кто живет теперь. Это были ее родные места. И все же не без грусти смотрела она на мир, проплывавший за окнами такси. Он мало изменился, однако то, с чем он связан в ее сознании, уже ушло в прошлое. Сейчас все уже другое, и она не чувствует больше слияния с этим миром.

Пока они сидели на веранде, Джейн рассказала, что они с Хесусом встретили в Буэнос-Айресе Йенса Валя. София удивилась, когда услышала его имя – целую вечность не вспоминала о его существовании. *Йенс Валь...* Они познакомились в шхерах во время летних каникул, еще в гимназии, – и не расставались ни на минуту, пока не пришло время разъезжаться по домам. София вспомнила, как тяжело ей далось тогда это расставание. В конце каникул она поехала к нему. Он жил в Экерё, его родители были в отъезде, и дом остался полностью в распоряжении Йенса.

Почти все время она пролежала, положив голову ему на грудь, – во всяком случае, именно так ей вспоминалась та неделя, которую они провели вместе. Они бесконечно разговаривали, словно все эти годы берегли слова друг для друга. Иногда они ездили за продуктами на «Ситроене» его родителей – с громкой музыкой и без прав, словно проверяя, каково это – быть взрослыми и свободными... Даже чистя зубы в ванной, они продолжали держаться за руки. Боже, насколько все это забылось! Несмотря на свой юный возраст, София понимала тогда, что эта любовь в конце концов обернется болью. Так и получилось. С годами она поняла, что он, наверное, ощущал то же самое и всеми силами сопротивлялся, чтобы избежать обратной стороны любви.

Когда водитель высадил ее, София вошла в свой дом, не желая расставаться с чувством опьянения. Слишком хорошо было ей сейчас, чтобы просто пойти лечь спать. Спустившись в подвал, она взяла бутылку вина, открыла ее в кухне, налила большой бокал и уселась у стола. Отпив несколько глотков, обнаружила на дне пачки пару сигарет. Закурила, не заботясь о том, чтобы открыть окно или включить вытяжку. Блаженное состояние улетучилось с последними каплями вина – светлые мысли сменились мрачными, сигарета показалась отвратительной на вкус.

У нее возникло чувство, что она что-то сделала не так, совершила какую-то ошибку. Это ощущение София унесла с собой в ночь, в пустые сны.

И проснулась на следующее утро с чувством вины.

Грузовое судно двинулось от Роттердама к северу, медленно пробираясь вдоль голландского побережья. Море было спокойным, светило солнце, выбравшееся из-за перистых облаков. Йенс поднялся со своего места в тени, неторопливо пересек палубу, спустился по стальному трапу в трюм.

Там он еще раз осмотрел свой товар – ему хотелось отвлечься, сидеть неподвижно было тяжело, поскольку на сетчатке еще сохранились образы мертвецов. Позади него послышались шаги, появился Арон. Йенс не предпринял никакой попытки скрыть содержимое своих ящиков.

Арон взглянул на оружие и присел рядом на контейнер.

– Некоторое время мы будем идти на север, затем повернем на восток и возьмем курс на Бремерхафен. До того где-то возле Хельгоганда мы встретимся с другим судном и кое-что на него перегрузим. Тебе и твоему товару тоже хватит места на нем.

Йенс посмотрел на Арона:

– Зачем?

– Потому что тебе не удастся разгрузить автоматы в Бремерхафене. Таможня отберет весь твой груз.

– Я вижу, ты человек опытный.

– Да. И ты тоже...

Они посмотрели друг на друга.

– Соглашайся на мое предложение. Ты знаешь, как все это работает.

Да, Йенс все понимал – ему предлагают сделку. Приняв помощь Арона, он становился обязан ему. Йенс многое повидал на своем веку. Это была явная угроза. У него нет выбора. Вот так это работает.

– А куда пойдет судно, которое нас встретит?

– В Данию, – ответил Арон. – Найдем какое-нибудь тихое местечко на Ютландии и сойдем там на берег под покровом темноты.

– А дальше?

– Мы поможем тебе с машиной. Это все.

Йенс, прищурившись, посмотрел на Арона, затем отвел взгляд и снова вернулся к своим ящикам.

Наступила ночь. Двигатели корабля были отключены, освещение – тоже. Судно тихо покачивалось на волнах.

В последние несколько часов Йенс перебрал в уме все возможные варианты. Оставить оружие в Дании, попытаться провезти его в Германию... Даже думал позвонить русским и сказать, что им придется самим приехать и забрать свой товар. Однако он понимал, что они на это не пойдут. Йенс должен выполнить условия договора. Оружие должно быть доставлено в Польшу. Как решить эту задачу, он подумает позднее. Пока речь идет о том, чтобы не попасться до прихода в Данию. В худшем случае им уже села на хвост береговая охрана.

Йенс достал мобильник, заметил, что прием плохой. Набрал телефон из своей адресной книги, послушал, как звучат в трубке сигналы, и просиял, когда на другом конце ответили.

– Бабушка! Это я. Слышно плохо, но я в Дании. Да, на Ютландии... по работе. Я заеду к тебе завтра или послезавтра.

Он вытащил свои два ящика на палубу. К нему подошли Арон и Лежек. На плече последний держал автомат. Разница заключалась только в том, что сейчас на нем был поставлен прибор ночного видения марки «Хенсхольдт».

Лежек первым услышал звуки двигателя.

– Идет. – Он поднялся на капитанский мостик, лег на крышу и стал разглядывать приближающееся судно в свой прибор ночного видения.

Море оставалось спокойным, в темноте послышался звук работающих двигателей. Йенс смог разглядеть рыболовное судно, приближавшееся к ним.

Корабли встали бок о бок. Голос с судна окликнул Арона, тот ответил что-то, слов Йенс не расслышал. На борт поднялся мулат. Он широко улыбнулся Арону, приветственно раскинул руки.

– Что у нас здесь за дела, Арон, в этом бескрайнем море?

Тот улыбнулся в ответ, указал на Йенса:

– Этот человек поедет с вами. А с ним – несколько принадлежащих ему ящиков.

Мужчина повернулся к Йенсу, оглядел его:

– Добро пожаловать, меня зовут Терри.

Йенс поздоровался с ним.

– Что в твоих ящиках? – спросил Терри.

– Он везет оружие, – ответил за него Арон.

Лежек подошел к ним с автоматом на плече, кивнул Терри, который кивнул в ответ. Затем Терри еще раз оглядел Йенса, словно пытаясь запомнить, как именно выглядят контрабандисты, торгующие оружием. Затем повернулся к Арону:

– Хорошо. Арон, ты привез мне то, о чем я тебя просил?

Арон достал сумку, улыбнулся и протянул ее Терри. Тот подержал ее в руках, словно взвешивая, а затем присел на корточки и расстегнул молнию. Достав небольшой предмет, завернутый в кусок бархата, осторожно положил его на палубу и развернул. Йенс буквально слышал, как мужчина задержал дыхание, когда увидел миниатюрную каменную статуэтку. В глазах Йенса она не представляла собой ничего особенного – маленькая, серая и бесформенная. Терри поднял ее, разглядывая в свете единственной лампы, и начал с восторгом рассказывать о том, какая она старинная, – это сокровище инков, оно бесценно.

– Спасибо, Арон, – произнес Терри.

– Не благодари меня, поблагодари дона Игнасио. Это он добыл ее для тебя.

Лежек и Арон ушли вниз. Терри не сводил глаз со статуэтки.

– Ты намерен ее продать? – спросил Йенс.

– Нет, такую вещь продать невозможно. Я оставлю ее себе, буду хранить дома и любоваться. – Он обернулся к Йенсу. – Но я продаю другие штучки в таком же духе, если тебя это может заинтересовать.

Йенс улыбнулся, покачал головой.

– К тому же это хороший противовес твоему оружию и кокаину, который мы везем на берег. Она призывает силы добра. Это нам поможет.

Йенс получил ответ на вопрос, что Арон и Лежек делали на корабле.

На средства, которые Гунилла перевела на его банковский счет, Ларс купил «Фольксваген LT35» – белый фургон без всяких отличительных черт. Большое грузовое отделение внутри было отделено от сиденья водителя перегородкой, в задней двери имелось лишь одно небольшое окошко, да и то с зеркальным стеклом.

Теперь фургон стоял, припаркованный метрах в семидесяти от дома Софии на небольшой гравийной дорожке, огибавшей коттеджный поселок. Ларс обзавелся потрепанным креслом, которое поставил в багажное отделение. Там он мог сидеть в наушниках, подключенных к приемнику, который, в свою очередь, был присоединен к записывающему устройству, и слушать со стереоэффектом, как семейство Бринкман ужинает. С каждым произносимым словом, с каждым намеком Ларс все лучше узнавал Софию и тот мир, который ее окружал, – ее мысли, ее чувства...

Он следил за ней вот уже две недели, однако казалось, что прошла целая вечность. В этой бесконечной череде дней, вечеров и ночей, когда он наблюдал за ней, фотографировал ее, обдумывал ее действия и писал ничего не говорящие отчеты для Гуниллы, внутри его начало происходить что-то непонятное. Он почувствовал себя немного свободнее и сильнее, и внутренний голос, постоянно ставивший под сомнения все, что он делал, стал звучать несколько тише.

Ларс сам до конца не понимал, чем вызвано это изменение, – возможно, это временное состояние, или оно связано с его новой работой, или же все это результат его постоянного одиночества в течение дня. Когда он начинал размышлять об этом, ему казалось, что во всем этом заслуга Софии Бринкман. Ее появление в его жизни открыло ему новые грани, ее женственность заставила лучше понять собственную мужественность. Благодаря ей он осознал, что ему нужно, о чем на самом деле мечтал. София открыла ему новый мир, и он чувствовал: если она смогла сотворить с ним такое на расстоянии, даже не зная его, то и он мог бы сделать для нее нечто подобное. Он знал, что их судьбы сплетены воедино и что она каким-то образом тоже это понимает...

В наушниках Ларс слышал откровенный диалог между Софией и Альбертом. Они общались естественно и сердечно – его это удивляло, он никогда не сталкивался ни с чем подобным.

В последние часы своей смены Ларс полулежал в кресле, подстригая ногти, и слушал Софию, которая лежала в кровати и читала книгу. Единственное, что время от времени долетало до него, – это звук переворачиваемой страницы. Ларс закрыл глаза. Казалось, он лежит рядом с ней в постели и она улыбается ему.

Ларс ехал в ночи, опустив боковое стекло, вдыхая запахи шведской весны, внезапно перешедшей в лето: воздух был теплым и свежим одновременно.

Дома он составил на пишущей машинке очередной отчет.

– Почему ты пишешь на машинке, а не на компьютере? – В дверях стояла Сара в своей омерзительной застиранной ночной рубашке.

Поднявшись, он подошел к ней, захлопнул дверь прямо у нее перед носом и заперся изнутри.

– Какого черта? Какая муха тебя укусила?

Через дверь ее голос звучал совсем глухо.

Ларс не слушал ее, продолжая писать. В отчете для Гуниллы он в общих чертах пересказал диалог за ужином. Листы бумаги прокрутились в факсовом аппарате, а затем

отправились в уничтожитель бумаг. Идти и ложиться в постель рядом с Сарой не хотелось. Коньяк давно кончился, винные бутылки стояли пустые. Ларс взялся за бутылку шерри, стоящую в баре. Он не помнил, каково ее происхождение, она всегда стояла там. Отхлебывая прямо из горлышка, он ждал, пока загрузится компьютер. Шерри – какое дерьмо! Сладкий напиток с омерзительным вкусом – и кто его только придумал? Усилиями Ларс заставил себя выпить. Окружающий мир стал чуть менее гнусным, и мозг слегка разогрелся. Экран компьютера замерцал, и появилась заставка рабочего стола. Выбрав папку с фотографиями, Ларс запустил слайд-шоу, а потом включил подборку классической музыки и стал смотреть фотографии Софии под звуки Пуччини. У него скопилось несколько сотен ее фотографий, которые сейчас появлялись одна за другой у него перед глазами с интервалом в пять секунд – увеличенные до размеров экрана.

Откинувшись в кресле, Ларс смотрел, как София едет на велосипеде на работу, как вставляет ключ в замок своей двери, как темнеет ее силуэт в окне кухни, как она выходит к почтовому ящику за газетой, как подстригает розовый куст, растущий у стены дома. Он видел, где она находится, что чувствует, о чем думает – отмечал каждый оттенок в выражении ее лица. Получалось нечто похожее на фильм – фильм о внутреннем мире Софии Бринкман. Ларса позабавила сама эта удивительная ситуация – что он, редко размышляющий о таких материях, случайно столкнется с женщиной, о которой знает все. Или это случайность? Нет, ничего не бывает просто так. Возможно, сама судьба решила указать ему верный путь.

Ларс распечатал свои любимые фотографии Софии, положил их в папку, нарисовал на обложке цветочек и спрятал папку в дальний ящик.

София шла по коридору, глядя в пол и ни о чем особо не думая. Однако подняла глаза, услышав шаги навстречу.

Ее внимание привлекла женщина лет пятидесяти. София узнала ее – уже видела раньше. Она приходилась родственницей кому-то из пациентов. Кому именно, София не знала.

– София?

Ее удивило, что женщина назвала ее по имени – такое случалось нечасто, несмотря на бейдж у нее на груди.

– Меня зовут Гунилла Страндберг, и мне хотелось бы поговорить с вами.

София кивнула, улыбнувшись своей профессиональной любезной улыбкой:

– Разумеется.

Гунилла огляделась по сторонам, и София догадалась, что та не хочет разговаривать в коридоре.

– Пойдемте.

София провела Гуниллу в пустующую палату, закрыла за ними дверь.

Женщина открыла сумочку, достала кожаный бумажник, порылась в нем и извлекла то, что искала среди старых чеков и отдельных банкнот. Показала Софии свое удостоверение.

– Я из полиции.

– Вот как? – София стояла, скрестив руки на груди.

– Я хотела только побеседовать с вами, – спокойно повторила Гунилла.

София осознала, в какой позе стоит, – словно защищается от постороннего вторжения.

– Вероятно, вы меня узнаете? – спросила Гунилла.

– Да, я видела вас раньше. Вы навещали кого-то из пациентов.

Гунилла отрицательно покачала головой.

– Мы можем присесть?

София выдвинула стул, на который Страндберг тут же уселась. София присела на край койки. Некоторое время Гунилла молчала, словно подбирая слова. София ждала. Потом Гунилла подняла глаза:

– Я веду расследование.

София ждала продолжения. Страндберг, кажется, по-прежнему искала наиболее подходящие слова.

– Вы дружите с Гектором Гусманом? – Она говорила по-прежнему спокойно.

– С Гектором? Нет, я бы так не сказала.

– Но вы с ним общаетесь. – Это звучало скорее как утверждение.

София бросила на Гуниллу удивленный взгляд:

– В каком смысле?

– Да нет, ничего особенного, я просто хотела задать несколько вопросов.

– В связи с чем?

– Насколько близко вы общаетесь?

София покачала головой:

– Он лежал на отделении, мы разговаривали. К чему вы клоните?

Гунилла вздохнула, чуть заметно улыбнулась.

– Простите мою навязчивость, я так и не научилась сдерживаться. – Собравшись с силами, она посмотрела в глаза Софии: – Я... мне нужна ваша помощь.

Михаил упал в море. Пули, выпущенные ему вдогонку, прошли в волоске от него. Нырять в темную воду, он слышал, как гудят над головой пули, полет которых тормозится водой. Через некоторое время он повернулся в глубине и стал всплывать – недостаток кислорода вынудил его снова подняться на поверхность. Клинообразная форма корпуса корабля спасла ему жизнь. Люди, стоявшие на палубе, не могли увидеть, что делается внизу. Постоянно двигаясь, Михаил держался у самого днища корабля. Когда включились двигатели, он решил рискнуть и поплыл к каменному причалу, взяв курс на его дальний конец. Причал был высокий. Если там не найдется лестницы или еще чего-нибудь другого, чтобы взобраться наверх, конец неизбежен. Все тело болело – русский понимал, что долго не продержится. Однако, доплыв до причала и завернув за его край, он увидел старую ржавую цепь, за которую зацепился и держался, пока отплывал корабль. Затем с великим трудом, преодолевая адскую боль, взобрался на пирс, прямо в мокрой одежде плюхнулся на сиденье прокатной машины, достал из бардачка навигатор и телефон, набрал номер Роланда Гентца. Он рассказал, что на судне их встретили огнем, что его люди убиты и что на корабле оказались трое – двоих он знал как Арона и Лежека, а третий был ему незнаком, однако он, судя по всему, швед.

Роланд поблагодарил за информацию и сказал, что перезвонит через несколько часов. Разговор прервался.

Вьетнамский капитан серьезно разукрасил Михаила – разбитый нос, сломанные ребра, однако со всем этим можно жить. Капитана русский не проклинал – как-никак он застрелил у него на глазах штурмана. Ему пришлось показать капитану, что его ожидает, ибо едва раздался первый выстрел, как стало совершенно ясно – капитан нарушил уговор с Ханке. За это Михаил и застрелил его штурмана – не поколебавшись ни секунды.

Михаил редко испытывал ненависть к людям, которые били его или стреляли в него, – они были в той же шкуре, что и он сам. Ему довелось побывать на войне и с афганцами, и с чеченцами, случалось лежать в засаде под массированным обстрелом – на грани того, что может вынести человеческая психика. Он видел, как его друзья падают убитыми, сторают или взрываются, разлетаясь на куски. Сам он так же поступал с врагами, однако его поступки не были продиктованы ненавистью или желанием отомстить. Вероятно, именно поэтому он выжил.

С таким отношением к себе и к жизни Михаил начал работать на Ральфа Ханке. Так и относился, когда убивал кого-то по приказу Ханке, избивал неудобных или ехал в Стокгольм, чтобы сбить сына Адальберто Гусмана.

Мысли о том, правильно или неправильно он поступает, никогда не посещали его. Пройдя солдатом кровавые бессмысленные войны, он вынес из них понимание того, что ничего правильного или неправильного в мире не существует. Единственное, что есть в реальности, – это последствия. Если отдавать себе в них отчет, то жизнь будет двигаться по предсказуемому руслу.

Михаил остановил машину возле торгового центра. Люди косились на огромного окровавленного мужчину, который, покачиваясь, пробирался через толпу. В магазине, представлявшем собой смесь аптеки и парфюмерного, он закупил все, что нужно: бинты,

пластыри, вату, антисептики и самое сильное обезболивающее, какое нашел. Когда он расплачивался, вежливые женщины в белых халатах за стойкой избегали смотреть ему в глаза.

Затем Михаил заехал в придорожный трактир и зашел в туалет. Там он облепил себя пластырями и принял четыре таблетки обезболивающего, запив водой из-под крана. После этого уселся в углу ресторана, пообедал, запив еду тремя бокалами пива. Потянулся – суставы захрустели, адская боль пронзила все тело.

Ожидая счета, включил навигатор. Датчик он успел установить на одном из ящиков с кокаином в трюме корабля. Дисплей не показал сигнала – видимо, они все еще находились в море.

Русский отправился в придорожный мотель – чистые простыни ужасного цвета, удушливо пахнувшие ополаскивателем. Он разделся догола, осмотрел себя в зеркало, оглядел синяки, поворачивая плечами, вставил на место шейные позвонки. Его тело многое могло рассказать о его жизни: масса шрамов, четыре из них – от пулевых ранений, парочка – от осколочных. Шрамы были разбросаны по всему телу. Одни появились в результате целенаправленного насилия, другие – от несчастных случаев, но с каждым связаны яркие воспоминания. Некоторые из этих воспоминаний Михаил с удовольствием отправил бы в помойку, но не получалось – он обречен всегда носить их при себе. Каждый раз, глядя на свое тело, он осознавал, что он за человек.

Зазвонил мобильник, лежавший на ночном столике. Пройдя босиком по ковровому покрытию, Михаил взял аппарат в руки и нажал на кнопку «ответить». На другом конце был Роланд, его интересовали возможности в сложившейся ситуации.

– Надо следить за передатчиком, вот и все.

– *Ральф очень зол.*

– По-моему, он всегда зол.

– *Ты должен нанести ответный удар – хотя бы для того, чтобы отомстить за своих убитых товарищей.*

Михаил понимал, что Роланд пытается сыграть на его чувствах, но таковых у него не имелось. Ему совершенно наплевать, что его дружки умерли, – они были совершенно опустившиеся, смерть стала для них избавлением.

– Посмотрим, что я могу сделать. Ты пришьешь мне кого-нибудь?

– *Ты прекрасно справишься сам.*

Михаил посмотрел на себя в зеркало, наклонил голову к правому плечу – с легким щелчком что-то встало на место.

– Хорошо, но уточни задачу.

Михаил услышал, как Гентц щелкает мышью – видимо, одновременно что-то ищет в Интернете.

– *Ральф просто вне себя от ярости. Сделай что-нибудь – все что угодно, он не сможет глаз сомкнуть, пока мы не покажем им, что они проиграли. Ты сам знаешь, каков он.*

Ничего не ответив, Михаил положил трубку.

Приняв душ, он позвонил в фирму, оказывающую эскортные услуги. Заказал себе женщину – не слишком юную, не слишком стройную, хорошо говорящую по-русски. Вскоре женщина появилась. Оказалось, что она из Албании. Мини-юбка, высокие белые сапоги, розовая майка, широкие бедра – как раз в его вкусе. Она представилась как Мона Лиза, но ему это имя не понравилось. Он спросил, можно ли называть ее как-нибудь по-другому –

скажем, Люся?

Михаил и Люся лежали в постели, распивали на двоих бутылку женевера^[12] и смотрели какое-то голландское ток-шоу. Ему очень понравилось, когда они вместе посмеялись над тем, что никто из них ни слова не понимает.

– Ты можешь остаться на ночь?

Она потянулась за мобильником, лежавшим в золотистой сумочке, набрала номер и продиктовала кому-то номер карты Михаила.

Ночью он спал, положив голову ей на грудь, обнимая ее, как ребенок прижимается к матери. В четыре утра прозвонил будильник в его наручных часах. Михаил сел в кровати, протер глаза. Боль не ушла – от нее так легко не отделаешься. Он повернулся – Люся спала, тихонько похрапывая.

Михаил включил навигатор, поднялся и пошел в ванную, где умылся холодной водой над малюсенькой раковиной. Когда он снова вернулся в спальню, то увидел, что датчик активирован. Посмотрев на карту, Михаил понял, что ящики находятся на западе Ютландии.

Он оделся и оставил на ночном столике щедрые чаевые для Люси. Затем вышел, осторожно закрыв за собой дверь, сел за руль машины, вырулил на трассу и скрылся в утреннем тумане.

Маленький бревенчатый домик с соломенной крышей, окруженный деревьями, располагался чуть на отшибе, в нескольких сотнях метров от старой проселочной дороги. Йенс направил машину на гравийную дорожку, ведущую сквозь аллею. По обе стороны от нее лежали пшеничные поля. Светило солнце, и аллея была освещена как раз таким светом, какой Йенс помнил с детства, когда проводил каждое лето у бабушки, – золотистым, оранжевым и зеленоватым одновременно.

Корабль он покинул накануне ночью, когда рыбацкая лодка Терри увезла его на юг Ютландии. Войдя в пустынный залив, они под покровом ночи выгрузили свой товар. Их поджидали три машины – одна из них была предназначена для Йенса, и он поспешно удалился.

Припарковав автомобиль перед домом, он некоторое время сидел неподвижно. Утро выдалось прекрасное, пели птицы, роса испарялась с травы под лучами солнца. Открылась дверь, окруженная розовыми кустами, и пожилая женщина с седыми волосами и в переднике широко улыбнулась Йенсу. Он улыбнулся этой идиллической картине, открыл дверь и вылез из машины.

Они обнялись, и она долго не отпускала его.

– Надо же, ты приехал! Какой замечательный сюрприз!

Бабушка Вибекке приготовила чай и, как всегда, поставила на стол старинный бело-голубой сервиз с чуть отбитыми краями. Йенс рассматривал ее. Она была старенькая – ужасно старенькая, однако возраст еще не перешел в ту стадию, когда пожилые люди становятся уставшими и замкнутыми. В глубине души он желал ей покинуть этот мир в том же настроении, в котором она всегда пребывала, и умереть в этом доме.

Оглядев кухню, Йенс взял с полки фотографию в рамке. Дедушка Эспен с огромными висячими усами, в шляпе с большими полями и ружьем на кожаном ремне через плечо.

– Помню, я не мог оторвать глаз от этой фотографии. Мне казалось, он стоит прямо посреди дикой саванны, собираясь охотиться на слонов или отстреливать браконьеров. А на самом деле этот снимок сделан здесь, за домом, на фоне свежескошенного поля, когда он

шел отстреливать кроликов.

Вибекке кивнула:

– Он был великий человек.

Йенс разглядывал фотографию.

– Однако мы были не в восторге друг от друга, дедушка и я, не так ли? – Он уселся, поставив фотографию на стол перед собой.

– Даже не знаю. Он считал, что ты не знаешь никаких границ. А ты отвечал, что он сумасшедший и лезет не в свое дело. Вы всегда начинали ссориться, если не из-за одного, так из-за другого.

Йенс улыбнулся, однако в его отношениях с дедушкой все было серьезно. Он так и не понял, почему они не ладили.

Бабушка принесла чайник, разлила чай в чашки.

– Каждое лето, когда ты приезжал, вы поначалу хорошо общались. Ты ходил с Эспеном на охоту, рыбачил на реке – вы как будто проверяли свои отношения. Через несколько дней вы переставали что-то делать вместе – ты находил себе другие развлечения, Эспен тоже занимался своими делами.

Она села напротив него.

– Однажды летом – кажется, тебе стукнуло четырнадцать – ты пошел в деревню за покупками. Там была компания парней на мопедах, на несколько лет старше тебя. Они начали задевать тебя. Помню, ты пришел домой с синяком под глазом, и Эспен обвинил во всем тебя. Он решил, что вся проблема в тебе. Я пыталась его переубедить, но он меня не слушал.

Йенс помнил эти события. Вибекке допила чай из чашки.

– За пару дней до отъезда ты один отправился в деревню, отловил тех парней поодиночке и каждому сломал нос. Помню, ты вернулся домой сияющий от гордости, но ни слова не сказал. Я узнала обо всем задним числом, когда ты уже уехал, – мать одного из парней пришла сюда, чтобы разобраться с тобой.

Вибекке улыбнулась:

– Эспен всегда волновался за тебя, говорил, что ты никогда не сдаешься, даже когда знаешь, что игра проиграна.

– Да, я никогда не сдавался.

– А сейчас?

Йенс быстро обдумал ответ:

– И теперь не сдаюсь.

Они поужинали в саду за деревянным столиком в беседке. Йенс и Вибекке долго сидели и разговаривали – он не спешил идти ложиться, ему хотелось продлить этот тихий вечер.

– Спасибо, что ты приехал, мой мальчик!

Йенс взглянул на нее, допил вино и поставил бокал на стол.

– Я очень рвался сюда каждое лето, меня совсем не тянуло потом уезжать домой... и так повторялось каждый год. Бабушка, ты единственный человек, который понимает меня.

Ее глаза наполнились слезами – это были старческие слезы, свободные от грусти и печали.

Ночью Йенс долго лежал без сна, глядя в потолок. Кровать была глубокая, как ванна. Он пытался вспомнить, как в детстве спал на этой же кровати. Воспоминания пробудили в нем

чувства – это были светлые чувства. Впервые за много месяцев он заснул, лежа на спине.

Сон унес его вниз, в темную пропасть. Йенс остался один, без малейшей возможности выбраться. Тьма накрыла все плотным покрывалом. Он попытался крикнуть, но ни один звук не вылетел из горла. Нехватка кислорода в мозгу вернула его к реальности. Он открыл глаза.

На краю кровати, держа его одной рукой за горло, а второй приставив пистолет к его подбородку, сидел Михаил, не спуская с него глаз. Глаза были пусты, но внимательно разглядывали его, словно он пытался прочесть что-то в глазах Йенса. Разбитое лицо Михаила выглядело еще ужаснее в белом свете луны, заливавшем комнату.

Его низкий голос произнес:

– Ключи от машины.

Йенс постарался сообразить.

– В кармане брюк.

Михаил развернулся и посмотрел на брюки, висевшие на стуле. Затем снова обернулся к Йенсу и ударил его по голове рукояткой пистолета. Раздался невероятный металлический звук, и Йенс провалился в пустоту.

Газонокосилка косила траву, полоса за полосой. Она была тяжелая, и София вся вспотела на жаре. Маленький вспомогательный двигатель, вращающий переднее колесо, испортился. Она заказала новый, но его так и не прислали. Возможно, это и кстати – она все равно не представляла, как его установить.

После встречи с Гуниллой она постоянно вела сама с собой внутренний спор. Она гуляла, каталась на велосипеде, бегала, пытаясь упорядочить свои мысли. Вечерами, оставаясь одна, садилась писать дневник, словно искала что-то в себе: думала, взвешивала, оценивала.

Но ярость не уходила, родившись уже от самого вопроса Гуниллы, и даже не столько от вопроса, сколько от ответа, который не имел вариантов. София злилась сама на себя, потому что уже знала, каков будет ответ. «Да». Другого пути не было. Она медсестра, к ней обратился представитель полиции, попросив помочь...

София срезала траву ровными линиями – оставалась лишь одна полоса толщиной сантиметров десять, идущая поперек сада. Направив на нее газонокосилку, София смотрела, как та срезает верхушки травинок.

Закончив, она отпустила рукоятку, и двигатель сразу же автоматически отключился. Выключенный прибор тихонько тикал на жаре. Ладони Софии разогрелись и покраснели от вибрации, а в голове все еще звучало тоненькое попискивание. София оглядела творение рук своих. Газон получился идеально симметричным.

Пока София пила воду со льдом из кувшина, стоявшего в холодильнике, мобильник на столе коротко загудел, засветился дисплей. Перестав пить, она глубоко вздохнула, пытаясь восстановить пульс.

Вместо имени абонента на дисплее высветилось: «Неизвестен». Она открыла сообщение.

«Спасибо за твое письмо. Был немного занят. Увидимся? С приветом, Г.»

Накануне София отправила ему на мобильный сообщение – долго размышляла, что же написать, и в конце концов получилось очень кратко: *«Спасибо за приятный вечер»*.

Теперь она не знала, отвечать или нет – палец повис над клавишами. Неожиданно за окном загудела машина. София выглянула наружу. Альберт сидел на переднем сиденье.

Переведя взгляд на часы, она осознала, что совсем забыла о времени. Поспешно засунула телефон в карман. Сын снова загудел ей – она сердито крикнула, чтобы подождал. Ей придется пойти, не переодеваясь, – вспотевшей, в джинсах и застиранной кофточке. По пути наружу она успела прихватить волосы резинкой и взять сумочку.

Альберт сидел рядом с ней в машине, одетый в зеленую тенниску, белые шорты и белые кроссовки. Ракетка в чехле лежала у него на коленях. Кондиционер не работал. Софии пришлось открыть окно. Когда машина набрала скорость, ветерок стал обдувать, создавая прохладу. Оба молчали – перед матчем Альберт всегда становился немногословен. То ли потому, что нервничал, то ли просто пытался сосредоточиться на предстоящем выступлении.

На развязке у площади Юрхольмсторг София поехала прямо, выбрала дорогу, идущую мимо Замка, и спустилась по небольшому склону возле водонапорной башни. Въехала на парковку перед безвкусным красным зданием спортивного комплекса.

– Тебе необязательно идти со мной.

Уже открыв дверь, он произнес эти последние слова скорее с вежливостью, чем с неприязнью.

София ничего не ответила, вытащила ключ из зажигания и тоже вышла из машины. Они пошли в зал вместе – Альберт на несколько шагов впереди нее.

Матчи проходили на теннисных дорожках в глубине зала. Альберт увидел компанию приятелей, сидевших неподалеку, подсел к ним, и все оживленно заговорили, засмеялись. Ей нравились его друзья – собираясь вместе, они много смеялись. Найдя свободное место, София уселась и стала следить за матчем, разыгрывавшемся на дорожке. Играли две девушки. Мяч перелетал туда-сюда через сетку; похоже, силы были равны. Матч проходил в ровном темпе, и мысли Софии унеслись далеко. Она снова достала телефон, перечитала сообщение Гектора, дотронулась пальцем до кнопки «ответить». В этот момент в динамиках прозвучали имена Альберта и его соперника. Она положила телефон обратно в сумочку, поймала себя на том, что улыбается, глядя, как сын выходит на корт. Походка у него спокойная и уверенная, он с достоинством поприветствовал судью, с сосредоточенным видом подкинул мяч в воздух, делая первую подачу.

Альберт выиграл, и теперь ему предстояло участвовать в полуфинале, который разыгрывался на открытом корте у Замка. Зрители встали и начали покидать трибуны. Вместе с толпой София двинулась к выходу, отметив, что Альберт ищет ее глазами среди людского водоворота. Их взгляды встретились – жестом он показал ей, что пойдет вперед с друзьями.

На парковке ее остановила чья-то мамаша, начала говорить о сборе денег для учителя в классе Альберта. Затем Софии удалось избежать встречи с другой мамой, которая была известна своим мнением, что все дети, кроме ее собственной дочери, ступили на скользкую тропу в жизни. Уклонилась она и от столкновения с клубом любительниц красного вина – слегка потрепанных бывших красавиц. Стройные ноги, плоские животы, дорогая косметика, легкая светская манера вести беседу – однако уже через несколько минут разговор переходил на недостатки и ущербность других.

Усевшись за руль, София подумала, что не испытывает единения ни с кем из этих людей. Задалась вопросом, зачем она вращается среди них, хотя не перестает им удивляться.

Сама не зная почему, она достала телефон, открыла сообщение от Гектора и, нажав на «ответить», написала: *«В любое время»*.

Михаил вел машину к югу – через полуостров Ютландия, через неохраняемую границу, – и вот он уже в Германии.

Прибыв десять часов спустя в Мюнхен, он поставил машину в гараж одной из необитаемых вилл, принадлежавших Ханке. Вилла располагалась на сонной, ничем не примечательной улочке, где обитал средний класс и все дома выглядели одинаково – кирпич, тяжелые двери. По его оценкам, в багажном отделении машины лежало около сорока килограммов кокаина. Несмотря на перестрелку на борту, Михаил остался доволен тем, как повернулась ситуация, и знал, что Ральф тоже порадует. Решающее слово осталось за ними, и в последнюю минуту им удалось спасти часть кокаина, как того и желал Ральф.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Шведский футбольный клуб.

Компактный пистолет-пулемет немецкого производства.

Армейская универсальная винтовка австрийского производства, стреляющая как одиночными выстрелами, так и очередями.

Отель в центре Праги.

Площадь в историческом центре Стокгольма.

Один из центральных районов Стокгольма.

Престижный район в центре Стокгольма.

Министерство государственной безопасности ГДР.

Панамский диктатор в 1980-е годы.

Автоматическая винтовка фирмы «Heckler&Koch».

«30 вариаций для клавесина» – произведение И.С. Баха, которое принято называть по имени первого исполнителя, Иоганна Готлиба Гольдберга.

Крепкий алкогольный напиток голландского происхождения, можжевеловая водка.